

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1985

Елена АНДРЕЕВА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Елена АНДРЕЕВА

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Елена АНДРЕЕВА

Елена Ивановна Андреева родилась в 1939 году. После школы работала на заводе радиомонтажницей, окончила заочно Киевский институт гражданской авиации. Уже на заводе стала писать тексты для агитбригад, стихи, переводить с болгарского языка и языков народов нашей страны. Она заканчивает курсы редакторов при Московском полиграфическом институте, работает в издательствах «Современник» и «Художественная литература».

Елена Андреева — автор пяти поэтических сборников и книги прозы. Ее стихи и рассказы переводились на болгарский язык и языки народов нашей страны.

За переводческую деятельность награждена медалью «1300-летие Болгарии». Член Союза писателей СССР. Член Союза переводчиков Болгарии. Член КПСС.

КОРНИ

Елизавета не была на родине отца, в маленькой калининской деревушке Лагине, почти четверть века. Сейчас это казалось ей невероятным. Собиралась поехать каждый год, и эти регулярные планы, не меняющиеся год от года, придавали жизни тот настрой, который словно не отдаляет, а приближает к родным местам. Собственно, родными они были для ее отца. Он ушел из дома, когда ему было двенадцать лет, работал и учился, закончил рабфак, академию, стал руководящим работником, жил в Москве, но до самой смерти остался верен родным местам. Ни разу за свою жизнь он не ездил в дом отдыха, ежегодно проводил отпуск в Лагине — косил, чинил то крышу, то забор, копал огород — одним словом, крестьянствовал. И отходил душой, добрел и потом весь год, стоило ему напомнимть о деревне, как он и в минуту гнева — характером его природа наградила крутым — сразу теплел. Домашние знали за ним эту слабость и пользовались ею. Деревенский мужик, временами проглядывавший в нем, в такие минуты завладевал им целиком.

Теперь не осталось в живых ни отца, ни лагинской бабушки...

Елизавета упаковывала последние вещи, а сын и муж относили их вниз, в машину, они наконец ехали в Лагино, всего на три дня, благо выпали майские праздники. Эта поездка являлась и свадебным путешествием и приобщением дорогих ей людей — шестнадцатилетнего Андрюши и Рустама — к тому, что жило в сердце, к маленькой тверской деревушке, с которой для нее начиналась Родина. Она благодарно думала о родителях, которые все школьные годы посылали ее в Лагино на лето. Однажды она приехала туда и на зимние каникулы. Елизавета запомнила путь от станции через ночное поле в санях-розвальнях. Пуржило, и лошадь несколько раз теряла дорогу, а тетьа Ньюша, которая встречала ее, крестилась в пугающе мерцавшую снежную темноту.

Собирая вещи, Елизавета с опаской думала, поймут ли эту привязанность к Лагину ее сын и муж. Ей было важно их понимание.

Отец Андрюши был военным, и семья все время переезжала с места на место. Мальчик привык к переездам. Воле отца, человека сухого

и упрямого, подчинялись беспрекословно, хотя внешне он вроде бы не оказывал никакого нажима. Жену он считал самой умной, самой красивой, самой талантливой. Но никогда не говорил об этом и считал вполне нормальным, что она ездит с ним по всей стране, подолгу не работает или работает в случайных провинциальных труппах или клубах. Даже в Лагино он ни разу не отпустил ее, несмотря на просьбы провести там отпуск, — долгожданный отпуск он всегда проводил в Крыму и требовал, чтобы семья была при нем... Последние несколько лет они жили в Москве, у Елизаветы наконец-то появилась постоянная работа, она часто ездила на гастроли. И познакомилась в одной из таких поездок с Рустамом. Ее муж был человеком безукоризненной честности и прямого бескомпромиссного ума, что и привело к разрыву, когда Елизавета впервые в жизни полюбила... Она ничего не скрыла от мужа, не считала себя виновной — замуж выходила, подчиняясь властной чужой любви, а полюбив сама, разграничила свое поведение на четкие можно и нельзя.

Можно было мечтать о любви Рустама, думать о нем. Ей казалось, что дом, порог которого он станет переступать каждый вечер, та женщина, к которой он будет возвращаться с работы, — самые счастливые. Ведь выпадет кому-нибудь эта радость! Она видела, с каким восхищением смотрели женщины на изящного, всегда безукоризненно одетого и держащегося Рустама. Ей было приятно сознавать, что Рустам, никогда не имевший семьи, скупой на слова, сдержанный с женщинами, как-то выделяет ее. Она постоянно думала о нем, видела перед собой его лицо, словно выточенное искусным резцом старого мастера, не сразу поняла, что полюбила. Она не предполагала, что эта встреча может что-то изменить в ее прочно устоявшейся жизни. Мечтать и думать было можно, она невольна, как и каждый человек, в своих чувствах.

Нельзя было искать с ним свидания, разрушать семью. То есть нельзя было совершать проступков, потому что за них она, как и каждый человек, в ответе.

Муж потребовал развода. Это казалось невероятным. И еще невероятнее было то, что в разгар тяжелых объяснений приехал Рустам, взял на себя все переговоры, сделал ей предложение. И тут муж, уже подписавший заявление о разводе, впал в такое отчаяние, так горячо умолял ее остаться с ним, что уйти от него стало просто невыносимым. Этот сильный гордый человек даже плакал... А когда она дала уговорить себя, начал упрекать ее, извел подозрениями. И опять из Ташкента прилетел Рустам. Самое невероятное состояло в том, что сторону Рустама взял Андрюша. Это и решило судьбу всех. Правда, Рустам воспринял свой вынужденный переезд в Москву едва ли не как катастрофу и согласился на него только потому, что у него была своя, по-восточному витиеватая, но мудрая теория: за дорогое в жизни надо платить дорогим, жертвы неизбежны, величиной жертвы определяется ценность человеческих отношений и поступков.

Елизавета с тревогой думала о том, что Рустам, прекрасный актер, до сих пор не может устроиться по специальности, работает в клубе. Но, верный своим принципам, Рустам считал, что, принеся эту жертву, он получил любовь, остальное устроится...

И вот теперь они ехали втроем в Лагино — южанин Рустам, без конца переезжавший с места на место Андрюша и вросшая душой в эту деревушку Елизавета.

Весело и легко они доехали до Бежецка по ровному шоссе, которое бежало мимо бесконечных лесов и рек. Этот город Елизавета помнила с детства — деревенские ребятишки нередко приезжали сюда на телегах, со взрослыми, на красочные ярмарки. Старые торговые ряды и лабазы, оставшиеся с тех времен, когда Бежецк слыл купеческим городом, и сейчас сохранили свой старозаветный вид.

А за Бежецком дорога пошла хуже, но все же они доехали без приключений до Сонкова. Отсюда до деревни оставалось всего двенадцать километров.

И тут их постигло разочарование — в райцентре дорога обрывалась, дальше шел совершенно разбитый тракторами незаасфальтированный большак. Накануне прошли ливни и размыли проселочные дороги. После минутного колебания они приняли решение оставить «Жигули» в Сонкове, на стоянке возле вокзала... Им повезло, на станции они увидели «газик» — корреспондент местной газеты направлялся в колхоз «Ясная поляна», на территории которого располагалось Лагино. Их охотно взялись подвезти.

Но и «газик» застрял, пробежав не более трех километров. Дорога лишь сверху подсохла, под тонким слоем сухой земли была вязкая жижа. Машина застряла так, что вытащить ее самим оказалось невозможно. Неподалеку, в полукилометре от большака, располагалась бригада трактористов. Они-то и вытащили «газик», и он, сердито фыркая, возмущенно стряхивая с бортов и колес липкую грязь, потрусил обратно в Сонково, оставив путешественников по колено в грязи посреди дороги.

— Пойдемте к нам в барак. Там сейчас никого нет, отдохнете, — предложил пожилой тракторист.

— А что же нам делать дальше? Может, вы нас до Лагина довезете? — спросила Елизавета.

— Ответить можно, только дальше по такой дороге обычный трактор не пройдет, вот вернется гусеничный, он у нас один, тогда можно. Тут все завязают. Всех мы и вытаскиваем. Вчера на листе толстого железа «Запорожца» протащили три километра гусеничным дизельным.

Москвичи посмотрели вдаль, где вздыбившийся колдобинами большак терялся в крившейся над ним дымке.

Вскоре путешественники пили в тесной кухоньке из кринки покрытое корочкой топленое молоко, ели мед и деревенский хлеб, орудуя большими ножами. Из Москвы они выехали затемно, а сейчас было уже три часа дня. Припекало солнце. Приехавшие разгрузили большую дорожную сумку, поделившись своими съестными припасами.

Через час стали возвращаться трактористы. Завязался оживленный разговор о неожиданно свалившейся на бригаду заботе перебросить незадачливых москвичей в Лагино. Где эта крохотная деревушка, никто не знал. Трактористы говорили друг с другом, потом стали обращаться и к Андрюше, который стоял рядом и внимательно слушал их споры.

Елизавета с удовольствием наблюдала за сыном и мужем. Застенчивый, робкий с незнакомыми, Андрюша уже освоился и теперь горячо говорил что-то обступившим его трактористам. Она прислушивалась к его баску, смотрела на ладную мальчишескую фигуру, обтянутую джинсами и свитером.

А Рустам, поняв, что выбраться скоро не удастся, решил заняться пловом.

К нему никто не решался обращаться запросто, в его молчаливой замкнутости и неожиданной в этой средней полосе России восточной красоте почему-то всем чудилась отрешенность. «Он молчаливый и таинственный», — сказала о нем ее лучшая подруга. Елизавета и сама не могла еще свыкнуться с манерами Рустама, хотя в его поступках не было ничего таинственного, в семье он держался просто, дурачился, смеялся по любому поводу. Только был слишком обидчивым, сказывалась южная кровь. Не так давно к ним пришли гости, ее давние друзья. Глядя на Рустама, ее подруга, осмелев, заметила:

— Всем ты, парень, хорош, только проблем с родней у жены будет масса... Смелая она у нас...

Рустам ничего не ответил, но вскоре сослался на головную боль и ушел в спальню. Елизавета поняла, что обиделся. Она считала, что он спит и что утром предстоит неприятное объяснение. Но когда она шла по коридору за кофе для гостей, дверь спальни приоткрылась, сильная рука ловко схватила ее, втащила в комнату и стремительно захлопнула дверь. В комнате горела свеча, тихо играла музыка, а лицо Рустама сияло — он был доволен, что сумел на секунду заполучить жену, что его выдумка удалась. А у нее отлегло от сердца. Его обидчивость редко распространялась на нее. А вот с ее неосторожной подругой с тех пор он держался недосыгаемо высокомерно, хотя та и старалась завоевать его расположение.

Сейчас Рустам ловкими, быстрыми движениями резал лук, виртуозно, тончайшими ломтиками, почти не глядя, шинковал морковку. Мясо уже кипело в котле, и курчавые с проседью волосы,

и смуглое лицо Рустама были окутаны пахучим дымком — он не скупился на приправы и щедро выложил все припасы. Пловом собирався блеснуть в Лагине, готовил его превосходно, весь уходил в это занятие, словно не готовил, а колдовал.

Теплый воздух уходящего дня, мирные беседы с трактористами, терпкий, сладковатый запах распускающейся листвы и весенней сырой земли, близость Лагина, уже знакомые места навевали воспоминания. Казалось, судьба нарочно задержала ее здесь, чтобы Елизавета могла подготовиться к встрече с детством...

Она всегда ощущала себя деревенской, хотя выросла в городе. Каждое лето ее посылали к бабушке Саше. Тетя Ньюша приезжала за ней на станцию на лошади. С тех пор как у нее на войне погиб муж, ей пришлось одной работать за двоих. Правда, бабушка Саша помогала ей во всем, вела дом.

Бабушка встречала их за околицей села — полная, крупная, с широким лицом, она шла по поросшей травой дороге с двумя неровными колеями, опираясь на палку, в просторной ситцевой блузе и длинной в сборках ситцевой юбке — фасон одежды она никогда не меняла, — в платке. Она доходила почти до осинника возле дальней риги, минуя многочисленные бакалдины — наполненные водой ямы, оставшиеся с весны, — или до мошка — леса на болоте, поросшего можжевельником и клюквой. Простое строгое лицо старой женщины, обычно сдержанной, неторопливой и властной, выражало при виде внучки радость. Но одежда девочки всегда вызывала неодобрение:

— Опять незнамо что на девку надели. Чай, могла matka платье и подлиньше пошить и косок на голову купить, нюшто все так в городе ходють, — ворчала она, а сама уже вынимала из-под передника ватрушку с творогом или картошкой или серый ржаной бублик, печь которые она была большая мастерица. И в глазах ее светились гордость и счастье — трех сыновей она родила, двух дочерей. Правда, в живых остались только два сына, у них были свои сыновья. Но внучек у нее было всего две, и она в них души не чаяла, гордилась ими, хотя не давала им спуску ни в чем.

Девочки наравне со взрослыми работали все лето в поле, вставали затемно, носили дрова для русской печи, кормили скотину, сушили сено, теребили лен, жали. Послевоенная вдовья деревня была сурова. Но там не голодали. Немцы обошли эти глухие бездорожные места.

Бабушка сама выпекала душистый ржаной хлеб, кисловатый, почти без соли. Елизавета потом всю зиму мечтала об этом хлебе. Каждое утро бабушка гремела возле русской печи ухватями, потом поднимала невестку и внучек, кормила их яичницей-глазуньей, голдовешками — зажаренной вместе с кожурой молодой картошкой, блинами с медом и сметаной. На обед подавала кашу с корочкой, щи с солониной. На ужин — холодную картошку со сметаной и луком, статиху — домашнюю протоквашу. На пару поверх пузатого самовара варились яйца.

Несмотря на постоянную занятость и порой непосильную для нее, горожанки, работу, деревню Елизавета любила. Ей вспоминался всю зиму уютный дом с палисадом, резными наличниками, геранью на окнах, светелкой с балкончиком наверху. Такой сирени — душистой, крупной, как у них в палисаде, — не было ни у кого в округе. Дом стоял на околице, и сирень постоянно обламывали влюбленные. Бабушка только ворочалась в постели, заслышав хруст веток за окном, вздыхала:

— Вот неслухи, вот охальники...

Елизавета едва не заплакала, когда тетя Ньюша, чтобы сирень не заслоняла окна, вырубилла это душистое прохладное сиренево-белое чудо.

За домом простирался небольшой сад с яблочками-дичками. Весной он весь зарастал высокой купавой, от запаха которой кружилась голова. Елизавета любила выходить в этот сад утром босиком. Всю зиму, до весны, когда она опять приезжала в деревню, ей виделась луг возле узкого ручья, цветущий лен, гулянья под гармошку, ночные походы в соседние села, когда приезжала кинопередвижка, частушки, перепляс, «тесное общение» с коровами, овцами, поросятами, лошадьми, которых надо было кормить, пасти, поить. Она даже научилась скакать на лошади без седла, все ребята ездили так на водоной — под мышкой кол, к которому привязывают лошадь, руками держатся за гриву. Она застала чугуны и серпы, кринки и беркуны — большие круглые корзины без ручек, резные с росписью прялки и веретена. Благодаря бабушке Елизавета знала народные песни и сказки, вкус домашнего хлеба, крестьянское упорство и любовь к земле.

Бабушка умерла, когда ей было уже за восемьдесят. До последнего дня, мучимая одышкой, она неутомимо заботилась о доме. Когда отец Елизаветы узнал о ее смерти, он впервые заплакал.

Сейчас в старом деревенском доме жили тетя Ньюша и Нина с мужем-шофером и двумя детьми.

Как-то встретят ее родные, как посмотрят своими крестьянскими глазами на ее яркое, искрящееся, но еще такое невесомое, неопределенное и неустоявшееся счастье.

Из задумчивости ее вывел голос Рустама:

— Пора в дорогу. Мы обо всем договорились. Гусеничный дизель только что вернулся. Трактористы устали, но все же согласились отвезти. Жалко, что не поедим плова, он вот-вот будет готов, я его уже снял с огня.

— Ничего, ты ведь его готовил не для нас, твое искусство оценят по достоинству, — ответила Елизавета, зная, что эти слова обрадуют мужа.

Андрюша укладывал в высокий прицеп трактора охапки прошлогоднего сена и дорожные сумки.

Елизавета подошла к трактористам. Один из них уже сидел в кабине, второй помог ей подняться в прицеп и сел туда сам... Теперь они поняли опасения трактористов: дороги не было, под ними колыхалась, дышала трясына, в которой трактор завяз по самую кабину, гусеницы тарактели глубоко в грязи, высокий прицеп плыл по ней, как по морю лодка, его бросало из стороны в сторону.

Елизавета плохо помнила эту дорогу, она всегда ехала в Лагино со станции, и сейчас они долго петляли возле незнакомых деревушек.

Уже стемнело, но она рассмотрела вдали силуэтную башню Федосеевки — конечно, они сделали крюк, раз оказались возле соседней деревушки. Лагино она узнала по высокой церкви над погостом, возле выгона, метрах в трехстах от деревни.

Было уже совсем темно.

Трактор повернул обратно, а они втроем пошли по выгону.

Сколько раз они с Ниной ходили с подойниками вдоль этого прясла-изгороди из жердей, а потом возвращались с дымящимся полным ведром домой, разливали молоко по кринкам, накрывали их деревянными кружочками и ставили в прохладных сенях.

По пустынной единственной улице деревни, скупо освещенной сияющими окнами домов, они дошли до ее конца. Постучать не успели — из дома стремительно выбежала худенькая пожилая женщина и бросилась им навстречу. Тетя Нюша! Елизавета поняла, что за ними уже давно наблюдает вся притаившаяся и сторающая от любопытства деревня.

Лицо тети Нюши, взволнованное, радостное, успокоило Елизавету. Она обнялась, потом пожилая женщина крепко обхватила костлявыми жесткими руками лицо Андрюши, затем ее глаза вопросительно остановились на Рустаме.

— Это самый близкий мне человек, — тихо проговорила Елизавета, но, видимо, ее слова ничего не сказали тете Нюше.

Вскоре они уже сидели за столом. Елизавета оглядывала комнату: исчезли полаты, на которых они любили спать дегьми, вместо старой керосиновой лампы горела электрическая. Не было деревянных широких лавок вдоль стен. Но перегородки, отделявшие кухонку и крохотную комнатушку, в которой когда-то спала бабушка Саша, остались. В доме был даже телефон, единственный в деревне, — он был нужен Нине для связи с районным центром.

За стол сели тетя Нюша, ее зять Коля, Рустам, Андрюша, Елизавета. Потом пришел внук тети Нюши Алеша, художник, молчаливый высокий паренек, неуклюжий и застенчивый.

Елизавета привезла подарки — теплый свитер тете Нюше, нарядные кофточки Нине и ее дочери Вере, которая теперь училась в Бежецке в техникуме, папиросы Николаю и сборник стихов Есенина Алеше.

Нина суетилась по хозяйству.

Они, видимо, застали хозяев врасплох: вдоволь оказалось только яиц — из живности хозяева держали лишь кур.

Это было неудивительно. Нина и Николай отошли от земли, они были сельской интеллигентней. А в соседних домах и теперь держали домашний скот. Жили в Лагине зажиточно.

Елизавета вспомнила, как раньше встречали их с отцом: приходили бабы «прописывать» приезжих — в мужской одежде, с подведенными углем бровями и нарисованными усами, устраивали строгий дурашливый допрос, кто приехал, откуда, зачем и на сколько. «Прописываемый» вынимал дары: напитки, сласти, городские колбасы, сыры. Вечером все это ставилось на стол в одном из домов рядом с деревенскими блюдами и соленьями, вокруг рассаживалась вдовья деревня. На фронт ушли все мужчины, не вернулся ни один. Долго женщины лелеяли надежду, что их мужья и сыновья живы, ходили слухи о чудесных возвращениях... Когда сразу после войны в соседние деревни возвращались фронтовики, все Лагино снималось с места... Елизавета помнила одну из таких встреч — с шумным застольем вначале, песнями под гармошку и быстро затухающим оживлением, сменявшимся долгими расспросами...

Сейчас пришел к ним в гости только брат тети Ньюши дядя Миша. Обидительно посмотрев на Елизавету, сказал:

— Прямо принцесса из сказки! Все такая же красивая!

Выпив, он начал пристально и ревниво рассматривать Рустама и что-то бормотать про своего сына Петра. Он быстро хмелел, становясь резким и колючим...

На ночь их устроили в горнице. Было еще холодно, горница всю зиму не топилась, и тетя Ньюша принесла им электрический рефлектор.

— Погретесь и выключите, — попросила она, хотя в комнате было холоднее, чем на улице. — А твой-то хитрый, видать, — заключила она без всякой связи и вышла.

Над широкой деревянной кроватью, на которую уложили Андрюшу, висела военная форма — китель майора-десантника и фуражка. Елизавета не обратила бы внимания на эти неожиданные здесь вещи, но Рустам перехватил пыливый взгляд Андрюши.

— Это дяди Петра, сына деда Миши. Дед живет теперь один. Дядя Петр служит далеко, у него дочка есть, совсем маленькая. Он с ней сяду два раза приезжал, — объяснил Андрюша.

Сын вскоре заснул. Рустам повернул голову к жене и сказал:

— Представляю, что думал, глядя на тебя, дядя Миша. — И в его голосе впервые промелькнули недоверчивые и подозрительные нотки.

— А что он должен был думать? — Елизавета удивленно посмотрела на мужа. Его тон насторожил ее.

— Я еще за столом заметил, что ты не слушала, о чем говорили. У тебя порой так бывает — уйдешь в себя и не видишь тех, кто рядом. Он же рассказывал, как пиво варил, когда Петр поехал

в Москву предложение тебе делать. В Лагине к свадьбе готовились. Вы с детства с ним дружили. Он и в военное училище из-за тебя пошел. Андрюша наверняка жалеет, что ты вышла замуж не за Петра, тогда жизнь у всех была бы ясной и определенной, на родных корнях держалась бы.

— Я не заметила в нем никаких сожалений, по-моему, он признал и полюбил тебя, считает семью вполне завершенной и состоявшейся. Он в нас верит.

— Скорее, он признал твое отношение ко мне...

— Давай спать, — устало предложила Елизавета.

Но заснуть она долго не могла. Привычные с детства полузабытые звуки окружали ее: шорох ветвей за окном, скрип деревянной лестницы, ведущей в светелку, всплеск крыльев — через сени находился скотный двор, дом был старый, с просторным помещением для скота, где раньше были корова, овцы, поросята. Звуки напоминали о прошлом... Она присела в кровати, привалившись спиной к бревенчатой, проконопаченной мохом стене. Она была недовольна собой — и в самом деле не слушала разговоров за столом. И о Петре совсем забыла. Он приезжал в Москву перед самой ее свадьбой, после окончания военного училища. Ее жених заканчивал тогда военную академию... Петр так ничего ей и не сказав тогда, только сначала, до знакомства с ее женихом, сообщил, что ждет распределения, есть выбор, и он приехал посоветоваться с ней. Только сегодня она поняла истинную цель его визита.

Они дружили с детства. В самый первый приезд она увидела возле их дома, под качелями, розовощекого мальчика в непривычной для деревни матроске. Позднее он веде сопровождал ее и Нину, даже как-то водил ее в свою школу — деревенская четырехлетка стояла на пригорке, рядом с заброшенной церковью. За школой простирался сад. Позднее Петр сопровождал ее на гулянья, на станцию, в кино... Это было естественно: ведь он приходился тете Нюше племянником. Правда, их долго дразили женихом и невестой. Елизавета, повзрослев, только улыбалась — рослый, плечистый, похожий на Илью Муромца парень был ей симпатичен, за такого «жениха» краснеть не приходилось. Он был молчалив, обстоятелен, неизменно сдержанно-доброжелателен. Но Петр был родственником, она не принимала его всерьез. Только сейчас поняла она агрессивность дяди Миши во время застолья. Она проявлялась в излишнем внимании к ее мужу. Его Петр был «самостоятельным мужиком», а Рустам непонятным и оттого «хитрым» — тетя Нюша явно повторила слова брата.

Рустам оказался здесь чужаком. Чужой ощутила себя и она в Ташкенте, когда он повез ее к своей матери, так и не признавшей невестку. Это непонимание близких мучило обоих, но, как ни странно, сближало их еще больше, укрепляло их чувство. Они уже не могли

обходиться друг без друга. То, что до встречи они прошли полжизни, казалось обоим несправедливым, словно судьба обокрала их в самом важном.

С некоторых пор круг старых друзей Елизаветы определялся отношением к Рустаму — если они принимали Рустама, то оставались друзьями, если нет — переходили в разряд знакомых, Елизавета ничего не могла с собой поделать, она требовала беспрекословного признания ее новой семьи. Но первоначальное недоверие окружающих развевалось больше поведением Андриюши, которому было тепло и уютно в новой семье. Он любил их, любил ту атмосферу, которую они невольно создавали в доме, тянулся к ним и этим снимал напряжение. Да и лад в доме, согласие оказались бы немислимыми без постоянного чувства ответственности за судьбу доверчивого и доброго юноши, без любви к нему.

Утром Рустам с Елизаветой потихоньку вышли из дома. Елизавета заметила, что нет больше бревенчатого сарая напротив палисада, с которого зимой они катались на санках. Не стало колодца на околице, выкопанного дедом, — колодец засыпали. Он теперь не нужен — появился водопровод.

Они пошли по сонной деревне к полям, к дальним амбарам возле старых, заросших ряской прудов, к ветряной мельнице, от которой остались лишь камни фундамента — деревянная мельница сгорела.

— Давай обойдем деревню и войдем в нее с другого конца: там у околицы есть старый валун, на нем выбоина — ровный четырехугольник, мне всегда казалось странным, как на камне появился такой знак, — сказала Елизавета и пошла вперед.

— Вот он! И знак есть! — воскликнул Рустам, когда они оказались у околицы.

За валуном раньше было ржаное поле, здесь на меже ребята жарили яичницу. Здесь же носились в «крапивное загovenье», когда все друг друга поливали водой и жгли крапивой. А был еще праздник, может, самый поэтический: все дома в деревне, особенно окна, украшали ветками березы, а на березки повязывали ленты.

— Жаль, что я не знал твоего отца. Эта деревня словно приблизила меня к нему, хотя он мог меня и не принять... — произнес Рустам.

— Он принял бы. Знаешь, мне все время казалось, что его стоило похоронить в Лагине.

— Он ведь умер в мае?

— Да, второго мая, я тогда была в Ленинграде, и меня на самолете, на котором доставляют гранки, отправили в Москву. Достать билет на обычный рейс не удалось. Отца хорошо знали и помнили в Аэрофлоте, хотя он был на пенсии. Все случилось неожиданно — инсульт. Была гражданская панихида, почетный караул. Со всех концов страны, из самых дальних авиаотрядов, прилетели на похороны люди. Странно — он был требовательным и суровым человеком, мог отчитать, но

ни одного выговора никому не вынес и многим деятельно помог... Я до сих пор ругаю себя за то, что мы растерялись и не вызвали телеграммой тетю Нюшу. Она долго обижалась, и она права... Это моя вина, мама была в таком состоянии, что ничего не видела и не слышала в те дни.

— Ты обратила внимание, что многие дома в Лагине пустуют? Люди разъехались по городам? — отвлек жену от тяжелых воспоминаний Рустам.

— Одни уехали, другие переженились и повыходили замуж в соседние деревни. Надо пойти в Маланино, это полкилометра отсюда, там две мои подруги живут. И еще надо обязательно показать вам мошок. И конечно, на погосте побывать.

Они обогнули валун и повернули к дому.

Там уже завтракали. Сияющий Андрюша сидел за столом, тетя Нюша принесла на ухвате чугуна — явно специально для него. Андрюша впервые видел такое орудие.

— Хороший у тебя сын, не баламут, не неслух, — одобрительно сказала тетя Нюша. — Вот из Ленинграда своего присылали летось, — намаялись. Все озоровал. А твой пусть приезжает. Я и бабуна сухого ему наготовлю...

Бабуном в Лагине называли бобы, до которых ребятишки были большие охотники.

— Да мы если и приедем, то дня на два, — произнесла Елизавета.

— Вы звоните нам по телефону. Как дорога просохнет, можно на машине до деревни докатить. Правда, если дождь пройдет, выехать трудно, — вмешался Николай.

Елизавета зашла на кухню. Печку теперь не топили. Раньше здесь был примус, теперь появился баллонный газ. На плите жарилась яичница. Тетя Нюша посмотрела на Елизавету и спросила:

— Это у тебя на шее крест такой?

Это был не крест — на старинной серебряной золоченой цепочке висела буква, выведенная искусной славянской вязью, — не то «х», не то «к». Она полустерлась и действительно напоминала крестик. Подарил ей эту цепочку настоятель старейшего в Болгарии Рильского монастыря. Монахи здесь всегда были бунтовщиками, а сам монастырь построили, чтобы давать отпор иноземным угнетателям. В давние времена его монах Паисий Хилендарский написал первую книгу кириллицей — «Историю славяно-болгарскую». Елизавета ездила на гастроли в Болгарию, их повезли в монастырь, и чем-то она поразила монаха — русофила, поэта, человека довольно светского. Говорили, что он в плохих отношениях со своим духовным начальством и вообще вольнодумец в его глазах. Когда русские артисты приехали осматривать монастырь, он пригласил их в свои роскошные апартаменты — с коврами, уникальными иконами, старинной мебелью. Читал им свои стихи и даже угостил малиновой настойкой.

Стихи он прочел на русском языке, одно из них начиналось словами:

Да, я болгарин по рождению,
Но Русь я с детства полюбил,
Русь — родина моя вторая,
Но первая моя любовь,
Ее любя и с ней страдая,
Я с нею возрождаюсь вновь...

Эти обращенные к России строки он написал еще до освобождения Болгарии, до установления там народной власти.

К своим монашеским обязанностям он относился не совсем обычно, они сами стали свидетелями такой сцены. Настоятель решил самолично показать русским монастырь и вышел с ними во двор в шелковой голубой рясе, шитой серебром, высоком клобуке с длинной шелковой вуалью, большим распятием на груди. Этот крест-распятие привлек внимание мальчишек, один из них осмелился подойти к величавому седому старцу и спросил:

— Дедушка, что это у тебя на груди? Твой портрет?

— Это распятие, отрок.

— И я хочу такое же!

— Хочешь, да нельзя... Мне его дали потому, что я тут — начальник.

И неспешной поступью настоятель пересек вымощенный булыжником монастырский двор, миновал взятый в трубу, оправленный камнем родник с кованым ковшом на цепи и прошествовал к храму, расписанному снаружи яркими фресками.

Он произвел на всех сильное впечатление, этот высокий старик с пронзительными молодыми глазами. На прощание он поздравил к себе Елизавету, вынул из ларца цепочку и надел ей на шею... Она очень дорожила этим неожиданным подарком. Но сейчас, после минутного колебания, сняла ее и протянула тете Нюше. Вспомнила вдруг, как отец пригрозил бабушке, что если она вздумает крестить внучку, то он отдаст попа под суд — за насилие над ребенком.

Подошла заинтересовавшаяся подарком Нина, подумала, сказала:

— Хорошо, что мы печку не разобрали, а собирались.

Елизавета поняла ее, спросила:

— А из светелки ничего не выбросила? Там была и резная бабушкина прялка, и веретена, и комплекты «Нивы». Даже откуда-то привезенный допотопный кружевной зонтик. А еще кокошник с бусинками.

— Все я прижгла.

— Как прижгла? И не жалко?

— Жалко после стало. Мы хоть иконы не повывбрасывали...

Правда, остались только те, которыми когда-то благословляли. Другие в заколоченных домах их бросили, так и пропали... А у нас — память, хоть на иконы давно уже никто не молится.

— А где наши подружки Галя, Шура, Дуня?

— Галя в Маланине, ты знаешь. Она в сельпо продавщицей. Дуня вышла замуж в Трояки, а Шура живет в центральном селе, она теперь партсекретарь. Колхоз у нас большой, зажиточный, многие переезжают в большие деревни. А наше Лагино меньше всех, здесь теперь почти не строятся.

Елизавета вспомнила шумную веселую Шуру, похожую на цыганку, и спросила:

— Она замужем?

— Четверо детей,— ответила Нина,— муж выпивает, но она с ним справляется. А у Дуни совсем плохо, не ладится у нее в семье, муж бьет.

Елизавета вспомнила рассудительную спокойную Дуню, и ей стало обидно за нее.

— Что же терпит?

В голосе Нины сквозило недоумение:

— Так ведь муж же, не полюбовник!

Муж! В Лагине и вправду никто от мужей не уходил: какого ни посылала судьба — был один на всю жизнь. Она подумала о том, что и у ее матери с отцом не всегда все ладилось, но матери и в голову не приходило, что жизнь можно изменить. Зато перемену в судьбе дочери она восприняла одобрительно и впервые призналась:

— Твой прежний-то только при тебе и был человеком. Когда тебя не было, не разговаривал ни с кем, все мрачный ходил, хоть из дома от тоски беги! Вот с Рустамом легко...

— Показать вам могилки-то? Чай, запоматывала, кто где? — сказала тетя Нюша.

— Да ведь я после смерти бабушки здесь и не была, даже ее могилы не видела!

— Тогда поспешайте, а то мне и похозяйствовать надо.

Они шли вчетвером по раскисшему полю, по вязкой дороге. Моросил дождь. В деревне было тихо и пусто, только из двух домов вышли старушки и закивали головами. Зато за деревней возле большой кучи прелого картофеля копошились женщины — выбирали съедобную.

Андрюша и Рустам остались на дороге, а Елизавета с тетей Нюшей подошла к женщинам.

Многие лица показались Елизавете знакомыми, но по имени она помнила одну Варвару — некогда разбитную девку, гармонистку. Теперь она состарилась, но глаза смотрели бойко, с живым интересом.

— Здравствуйте! Здравствуй, Варвара! — поздоровалась Елизавета.

— Надолго к нам? — спросили женщины.
— Да нет, дня на два.
— А это муж и сын?
— Да,— с гордостью ответила она, сожалея, что женщины не могут ближе рассмотреть ее мужчин.
— Что-то непохож сынок на батьку-то? — все же разглядела одна.
— Он на матку похож,— ответила за нее тетя Ньюша и затеребила: — И без того приподнились мы...

Вскоре подошли к тенистому погосту возле церкви. Школы рядом уже не было.

В зарослях что-то зашевелилось, и к ним вышла древняя старушка.

— Никак Лизавета? Своих навестить? Доброе дело. Алика помнишь? Я вот место для себя приглядела, тут мне и лежать. Тут лавка негодная стояла, так я ее в кусты отнесла, место освободила.— Она показала рукой на клочок земли рядом с покосившимся крестом: сырая земля была усеяна прошлогодними прелыми листьями, только кое-где пробивалась первая трава.

Приезжие опешили от той простоты, с какой она говорила о смерти — словно и не уходила из жизни собиралась, а встретиться с близкими, которых незаслуженно пережила.

На темной пирамидке было кривыми буквами написано: «Алик Лагин, 1939—1949». И на других могилах была та же фамилия — Лагин, Лагина, на кладбище иных фамилий почти не встречалось — эту носила почти вся деревня.

И вдруг с пронзительной ясностью Елизавета вспомнила, как хоронили Алика...

Алик жил в Ленинграде с матерью, коренной ленинградкой. Его отец, военный летчик Семен Лагин, погиб в сорок втором. Мать привозила сына каждое лето к бабке Даше. Все относились с невольным уважением к этому вежливому, спокойному, всегда опрятно одетому мальчику. Мать присылала из города продукты, изредка наезжала сама. Это была худая усталая женщина, взгляд которой теплел только при виде единственного сына.

В то лето мальчик по обыкновению приехал к бабушке, благополучно прожил пол-года, загорел, поправился. А потом вдруг у него заболел живот, бабка Даша уложила его на лавку, он два дня не выходил из дома. Все ждали, что он поправится. Но ему становилось все хуже, и тогда его повезли на телеге в больницу. По дороге он умер.

Из города приехала мать Алика. Она даже не плакала, а только повторяла: «Даша, как же это? Как же это, Даша?»

Возле гроба в избе собралась вся деревня. Мальчик лежал на столе — отрешенный, пугавший неподвижностью и восковой, отдававшей синевой бледностью, на лбу и подбородке выступили синие пятна. Мать стояла возле гроба и обкладывала тело сына крупными

душистыми яблоками. При жизни она не могла баловать Алика этими редкими в послевоенные годы плодами, а теперь они вдруг попались ей, и она щедро дарила ему это запоздалое, ненужное уже лакомство. Запах яблок сопровождал гроб до могилы. И только тут, на старом деревенском кладбище, мать вдруг осознала всю тяжесть и невозвратимость утраты. Она вырвалась из рук баб, рухнула на полузасыпанный уже гроб:

— Оставьте меня! Не трогайте! Не дам! — стала хвататься за доски.

Елизавета всю жизнь помнила эти похороны. Сейчас бабка Даша, уже отрешенная от жизни, словно уходила со своей виной к тем, кого пережила. И говорила она только об усопших — своих и чужих...

Они долго стояли на сыром заброшенном погосте возле могил бабушки Саши и деда Филиппа, прабабушек и прадедушек. И лица у всех были серьезные, вдумчивые, сосредоточенные.

И лики святых на полустертых, но еще ярких фресках в полуразрушенной церкви, куда они зашли, тоже показались им значительными и скорбящими.

Елизавета перехватила обращенный на нее взгляд сына и вдруг поняла: все, о чем она рассказывала ему, все оброненные случайно фразы, вся ее тоска по этой земле, все ее многолетние сборы в дорогу вдруг обрели для него конкретность через эту нещедрую, но самую важную и самую нужную землю, в которой лежали те, кто дал им жизнь. Андрюша сейчас встретился с теми, кто, будь они живы, были бы самыми любящими, самыми понимающими, самыми добрыми к ним. Они бы гордились ими в свершениях и сострадали бы в поражениях...

Через много лет он сказал матери, когда они рассматривали дома знаменитых людей в знаменитом селе-музее:

— А на нашем доме наличники лучше!

— Каком нашем? — не поняла мать.

— Лагинском!

И это было для нее бесценным признанием. И еще она подумала о том, что сын родной ей не только по крови, но и по тому, что он сумел выделить из суеты, из привычной ему городской жизни то самое важное, что делает характер, что определяет цельность человека. Для него понятие Родины было не только огромным и величавым, как вся наша страна, но и конкретным, осязаемым. Что бы он ни делал в жизни, он всегда будет ощущать свою ответственность перед этой болотистой скупой русской землей, где стоит дом его пращуров, в котором теперь живут тетя Ньюша, Нина, Николай, их дети. Эта земля будет неизменно давать ему силу и уверенность.

Может быть, когда-нибудь и ее сын почувствует, как в душе рождаются благодарные слова к этим близким людям, землякам, за то, что они есть на свете. Когда-то в юности она попыталась выразить стихами свое отношение к этим местам:

Сонково, Белый, Бежецк, Ржев —
Родные русские названья.
К ним с детства сердцем прикипев,
Твержу их, словно заклинанья.

Их дали пращурь местам
Льняным, мошковым и купавным.
Давно я знаю цену вам —
Прадедовским, отцовским, главным.

Шумят бескрайние леса,
И словно вновь земля родная,
Ее святые голоса
Меня на жизнь благословляют...

Как важно, что ее сын полюбил эту землю, этих людей. Она видела, что и Рустам принял их в сердце — и через них самих, и через отношение к ним жены.

За всю жизнь у нее не было более весомого признания ее успехов, чем скупая фраза парторга Шуры, ее подруги детства. Они встретились в тот их приезд в Лагино уже на станции:

— А мы о тебе в «Крестьянке» читали!

Ей и в голову не приходило, что о ней что-то знают в деревне, поскольку только здесь она никогда не смогла бы выступать ни в спектаклях, ни в концертах — ведь все, что она несла в себе, было об этих людях, у них она взяла ту безыскусную простоту и глубину, за которую ее любили зрители. Ее целеустремленность и цельность дорого стоили ей — могла играть далеко не все роли и читать в концертах отрывки из немногих дорогих ей произведений. Это мешало популярности, и она гордилась, что не гонится за ней, не поступает своей сущностью даже в таком искусстве, как актерское.

— Я уж думала, что не увижу тебя! А так хотелось повидаться, да и с твоим мужем и сыном познакомиться! — призналась Шура.

Рустам смотрел на нее с доброжелательным интересом. Шура принарядилась, на ней были черная кожаная юбка, вишневый бархатный пиджак, черные волосы были стянуты на затылке аккуратным узлом. Она была все такая же тоненькая и живая, как в юности.

— Вам жена рассказывала о том, как мы в деревне летом жили? — обратилась Шура к Рустаму.

— Она так много говорила о вас, что я могу назвать даже ваше имя, — с улыбкой ответил он. — Вас зовут Шура.

Парторг порозовела, эти слова были ей приятны.

— Они с Ниной немного старше меня. В детстве это сказывалось очень. Они все норовили на гулянья, в кино или в лес без меня уйти.

А я за ними следом кралась. Где-нибудь посередине дороги, когда они меня уже не могли одну бросить, из-за риги или кустов выскакивала.

— Да, ты была нашим верным хвостиком,— подтвердила Елизавета.

— А помнишь, как ты мне, уезжая, все свои платья оставила?

— Нет...

— Мы тогда плохо жили, и это было для меня целое богатство.

— Мне мама платья буквально из ничего сама шила — из своих поношенных платьев, отцовских рубашек, даже из старых занавесок. Но руки у нее золотые, и эти платья выглядели даже нарядными... Ты была настоящим чертенком. Я всегда тебя любила. Энергия в тебе всегда была неукротимая. Рада за тебя. Видишь, какой ты теперь стала! Бываешь, наверно, в Москве?

— У меня там старшая дочь в институте учится.

— Зашла бы в гости, у меня теперь и адрес постоянный есть, и уезжаю редко! — сказала Елизавета.

— Обязательно зайду! — обрадованно пообещала Шура.

Она и в самом деле позвонила через несколько месяцев, пришла в гости. Они до поздней ночи вспоминали детство, Лагино, свою жизнь.

— Я давно переехала в центральное село, но все время в Лагино тянет, часто там бываю. Особая эта деревушка, такие там тишина, чистота, покой... — сказала Шура.

— Нам повезло, там почти ничего не изменилось. Избы, трава, пруды. Никакого бетона, даже кирпича нет...

— Николая недавно депутатом районного Совета выбрали, можешь его поздравить, его все уважают. Водитель он редкий... и сыну профессию свою передал.

— Надо его поздравить!

— Он прямо к жердям околицы дорожный знак прибил — въезд воспрещен!

— Остроумно! — Елизавета засмеялась. — Только туда и так никто не ездит.

— Стали бы ездить — разворотили бы деревенскую улицу, заросшую травой... Забыла тебе важное сказать: мы ограду поставили на могилы бабушки Саши и деда Филиппа, цветы посадили. А Николай дорожку прокосил в траве, песком ее посыпал, утрамбовал...

— Спасибо большое! — растроганно поблагодарила Елизавета.

Шура привезла им подарок из лагинского дома — тетя Нюша прислала старый литой подсвечник, отполированный руками многих поколений. Его купил когда-то на ярмарке в Бежецке отец бабушки Саши. Тетя Нюша хранила его как память о своей свекрови, с которой всегда жила дружно, и, наверно, не без умысла подарила его «на счастье» молодой семье.

Больше всех радовался этому поистине бесценному подарку Андрюша. Он поставил подсвечник на стол в своей комнате. И это единственное бесхитрое украшение было особенно заметно в его комнате, где не было ничего лишнего.

ДЖЕКА

Этого породистого, с внушительной родословной щенка в Москву доставили самолетом из питомника погранвойск. Мой отец, «страстный собачник», несказанно обрадовался подарку. Глядя на мохнатого крепыша с большими любопытными глазами, он воскликнул:

— Хорош! Славный пес вырастет! Пес Джек!

Щенок это имя принял охотно, и уже через день с готовностью откликался на него.

Но всякого рода недоразумения с ним начались уже через неделю, когда посмотреть на нового члена нашей семьи приехала сестра моей матери. Одобрительно оглядев щенка, она подняла его на руки и вдруг воскликнула:

— Ну какой же это Джек? Это же — она!

— Ну вот еще! Это он, я просил пса! — уверенно заявил отец.

Но это был тот редкий случай, когда даже веское слово нашего строгого, властного отца ничего не могло изменить.

— Угораздило вас ее и Джеком назвать! — не унималась наша тетушка.

— Ничего, будет Джекой, — примирительно сказала мать.

— Нет такого имени, — возразила ей сестра.

— Нет — так будет! — отрубил отец, и тут его авторитет одержал верх над сомнениями, что несколько утешило его самолюбие.

Освоившись в квартире, Джека решила, что дом она обрела и теперь стоит выбрать себе одного хозяина или хозяйку из четырех членов нашей семьи. Выбор она сделала как бы случайно. Однажды ее оставили на целый вечер одну. А когда мы вернулись из гостей — отец, мать, мой пятилетний брат и я, она радостно бросилась нам навстречу. Сначала подбежала к отцу и дернула его за штанину, потом кубарем подкатилась к брату, затем подпрыгнула и лизнула руку матери, после двумя лапами попыталась ухватиться за мою юбку, но некрепкие еще лапы соскользнули и вместо юбки обхватили мою ногу. Джека обиженно взвизгнула, потом примиренно уткнулась носом в мою туфлю, привалилась к ноге мягким теплым боком и замерла. Уши блаженно обвисли, хвост пришел в движение, выражая радость и преданность. Собака почувствовала мое дружелюбие и сделала выбор. Она любила всех членов нашей семьи, но мне стала отдавать явное предпочтение.

Надо сказать, что в ту пору у нас во дворе происходили важные события. Девтора пятидесятих годов жила в Москве жизнью своих дворов. Тогда редко говорили: «Нинка из шестой квартиры» или: «Колька из пятого дома».

Чаще можно было услышать: «он из соседнего двора» или: «она из нашего двора».

И какие бы ссоры ни вспыхивали за дворовым забором, в своей «внешней политике» двор выступал как единое целое.

Меня считали «домашним» ребенком. Но получилось так, что я неожиданно к вящей своей радости подружилась со всеми ребятами. И при этом не нарушила родительского запрета на улице ни с кем не знакомиться. Двор сам «шагнул» прямо в нашу квартиру в образе Паши, ребячьего вожака. Произошло это самым необычным образом.

Однажды я сидела за отцовским письменным столом и решала задачу. Дело не шло. Я вяло смотрела в окно, но там тоже не было ничего интересного: дом ремонтировали, и окно заслоняли строительные леса. Вдруг на досках за окном появились ноги в сандалетах, потом в окно, нагнувшись, заглянул паренек с черным чубом и большими внимательными глазами.

— Ты что это?! — возмущенно закричала я.

— Испугалась? — Паренек был настроен миролюбиво.

— Вот еще! Ты мне просто мешаешь!

— Задача не получается? — Он разглядел на столе тетрадь.

— Не получается,— невольно признался я.— Раз у меня не выходит, то и у тебя не получится!

— Почему?

— Потому что у меня одни пятерки...— Поняв, что сказала глупость, я густо покраснела и от этого еще больше растерялась.

Тогда он решительно шагнул с досок на подоконник и спрыгнул на пол.

— Давай сюда твою задачу!

— Садись,— я пододвинула ему стул.

— И в самом деле трудная,— сказал он, очевидно, пощадив мое самолюбие, потому что с задачей справился довольно быстро.

— Ты приехала сюда недавно?

— Мы поменяли квартиру... Раньше жили на Аэропортовской...

— До вас здесь тетка Клава с племянником жила. Не видел, как они уезжали, летом мы с матерью жили в деревне. Давай познакомимся наконец. Меня зовут Пашей.

С этого дня мы с ним подружились. Он познакомил меня с другими ребятами. Рядом с нашим домом находилась математическая школа, и многие мои новые друзья там учились. Паша не случайно так уверенно взялся за мою задачу...

В то время все мы были невероятно взбудоражены — на наш двор было совершено нападение, кто-то обстрелял его камнями. И хотя

свидетелей этого взволновавшего умы события оказалось всего двое — четырехлетний Петя и девятилетняя Вера, которые к тому же путались в объяснениях, противоречили друг другу и не могли толком объяснить, кто же посягнул на нашу территорию, — камни лежали во дворе и призывали к срочным действиям.

Моментально был создан штаб обороны, выбран командир. Им, конечно, стал Паша. На чердаке организовали госпиталь.

Паша разработал инструкцию из двадцати пунктов, согласно которой нам надлежало вести себя в случае нового нападения. Инструкция всем очень понравилась. Правда, первые десять пунктов касались дисциплины и утверждали неограниченность власти нашего командира. Зато вторые десять пунктов учили обороняться и покорили всех своей обстоятельностью. Помню, был там такой пункт: «Если камень летит справа, уклонись влево. Если слева — уклонись вправо. Если камень летит сверху — пригнись. Если снизу — подпрыгни...»

Инструкция казалась нам настолько мудрой и совершенной, что порази теперь кого-нибудь из нас камень, мы бы приписали этот прискорбный факт только собственной нерасторопности и неловкости.

Излишне говорить, что в эти горячие дни сообщение, что у нас появилась собака из питомника погранвойск, к тому же овчарка, вызвало всеобщее радостное одобрение.

Но Джека самым непредвиденным образом нарушила все наши планы.

Когда я впервые появилась во дворе со щенком на руках, Паша разочарованно протянул:

— Но собаки тут еще нет! Она не годится для дела!

— Ничего, она скоро вырастет! И она ужас какая умная, — заверила я, и это несколько успокоило остальных.

Если говорить совсем честно, то мы мало рассчитывали на новое нападение, но игра нам нравилась, и щенок прекрасно вписывался в нее. Если бы кто-то из ребят в те дни выразил сомнение относительно принимаемых против неведомого врага мер, то от него все отвернулись бы, так как он посягнул бы на негласные правила интересной игры.

Джека не могла всего этого знать. И сразу же попала в просак...

Когда я опустила ее на землю, она села, скосив глаза на прыгавшего неподалеку воробья. Щенок вытянул шею, понюхал воздух, потом ринулся к незнакомому прыгающему существу, но по дороге наткнулся на чаклую клумбу, окруженную земляным бордюром, напоминающим свежеекученный картофельный ряд. Щенок попытался вскарабкаться на эту преграду, но завис, сев на нее брюхом и беспомощно болтая в воздухе мохнатыми лапами. Он жалобно и обиженно завизжал. Так бесславно прошла демонстрация его боевых качеств.

— Ничего, это потому, что он еще маленький, — примирительно сказала Вера.

— А когда он вырастет, то станет охранять нас,— добавил Петя. Но и этих надежд Джека не оправдала. Вскоре она умудрилась заслужить нелюбовь всех моих друзей. Джека решительно не пожелала делить меня ни с кем и стала яростно облаивать каждого, кто хотел приблизиться ко мне. Исключение делала только для Паши.

Совсем маленькая, Джека проявила характер. Поняв, что я не одобряю ее агрессивности по отношению к ребятам, она при мне порой смиряла свой нрав. Но стоило мне отойти или отвернуться, как она с лаем бросалась на очередную жертву. Нередко после моего грозного оклика она затихала и с равнодушной покорностью пробегала мимо Пети или Веры, но, выждав момент, подкрадывалась сзади и неожиданно с лаем бросалась под ноги. Она ни разу никого не укусила — в последний момент останавливалась как вкопанная. Но озлобление было явным, и никто не мог поручиться, что в следующий раз она ограничится запугиванием.

Вскоре ее невзлюбили и взрослые, хотя в этом не было ее вины. Просто ее спровоцировал Петя. Однажды, когда собака с лаем бросилась к нему, на ее несчастье, неподалеку оказалась мать мальчугана. Он, недолго думая, бросился к ней, вскарабкался ей на руки, благо считался еще маленьким, и, оказавшись в полной безопасности, принялся дразнить Джеку, решил ей отомстить. Доведенная донельзя таким коварством, собака со всей собачьей страстью и безудержностью остервенело облаяла онемевшую от ужаса женщину. Мать не видела Петькиных гримас и не сомневалась, что и ей и ее чаду грозит едва ли не смертельная опасность. Я еле уgomонила щенка, но его и без того не больно добрая репутация была окончательно испорчена.

И тем не менее он рос таким симпатичным и забавным, так трогательно привязался ко мне, что с каждым днем занимал все более прочное место в моей жизни. Я уже не выходила гулять без него. Я ожидала, что Паша тоже привяжется к нему, тем более что лишь к нему щенок не проявлял агрессивности, но Паша, хоть и ходил со мной то в парк, то на набережную, откровенно говорил:

— С тобой стало неинтересно.

Иногда из соседнего двора к нам приходила старушка с черным щенком, тоже овчаркой, по имени Буран. Буран привязался к Джеке и охотно бегал за всеми, кого она облаивала. Но сам при этом не лалял. Зато однажды, когда Джека накинулась на большую кошку и та больно расцарапала ей нос, он решительно подлетел к обидчице и неумело ухватил ее за ухо. Кошка вскочила на ящик, угрожающе зашипела, потом поджала хвост и улизнула в щель забора.

Со мной Джека была — сама кротость. Стоило взять ее на руки, как она блаженно замирала, свесив лапы, и не меняла позы, какой бы неудобной она ни оказывалась. Паша глядел на нас неодобрительно, но мирился с неизменным присутствием собаки. Излишне говорить, что игра была совершенно расстроена...

Пашу Джека терпела. Ее ревнивое чувство, прорывавшееся яростным лаем, отдалило меня от остальных ребят. Паша тоже постоянно ворчал:

— Ты способна думать о чем-нибудь, кроме своей собаки?

— Взял бы да рассказал мне интересный случай...

— Что толку рассказывать — щенок или помчится через дорогу, и ты побежишь за ним, или начнет лаять, и ты станешь его урезонивать, или вы опять впадете в свои нежности, прямо лжете друг друга, — брезгливо ответил мой друг.

Понимая, что в его словах есть доля истины, я все же ничего не могла с собой поделать — без Джеки мне было решительно неинтересно. Я знала, что Паша хоть и сетует, но ждет этих прогулок, потому что иначе мы не могли видиться — он учился в другой школе, в седьмом классе, занимался в стрелковой секции, времени свободного у него почти не оставалось. Приходить ко мне домой он не любил, там его часами заставляли чинно сидеть за столом, пить чай и отвечать на ненужные, как он считал, вопросы...

Но вскоре положение несколько изменилось, и он начал благосклоннее относиться к Джеке. Посмотрев на повзрослевшего щенка, он однажды воскликнул:

— Джека начинает походить на Шарика, я о нем совсем забыл!

— У тебя была собака?

— Это длинная история.

— Все равно расскажи...

И Паша рассказал мне следующее:

— Во время войны мы жили на Урале, туда эвакуировали отцовский завод. Работали родители день и ночь, а меня запирали одного на ключ на целый день. Холод стоял даже в помещении такой, что я ходил с совком и соскребал со стен иней... Я долго не мог привыкнуть к одиночеству, плакал, кричал, звал мать. Но, конечно, никто не приходил. И вот однажды откуда-то на мой плач прибежала собака. Она стала скрестись в дверь, но у меня не было ключа, и я не мог ее впустить. Тогда я начал плакать еще горше. А собака стала лаять и выть. Убежала она только вечером, когда вернулась мать. На следующий день собака пришла снова. И вечером мама решила впустить ее в комнату. Это оказался бродячий пес неопределенной породы — тощий, рыжий, неказистый. Но каким незаменимым другом стал он мне! Я назвал его Шариком. Мы не расставались с ним до самого нашего возвращения из эвакуации. До сих пор жалею, что его невозможно было взять с собой, мы ведь ехали почти две недели в товарном вагоне, битком набитом людьми... Тут уж было не до собаки...

— Вот бы мне такого друга в войну! — воскликнула я, вспомнив Казань. — Мы тоже эвакуировались с отцовским заводом, в Казань. И мне тоже пришлось сидеть одной взаперти, пока не открыли через

год детский сад. Особенно тяжело мне пришлось, когда маму положили в больницу. Она голодала, всю еду отдавала мне, но я этого не понимала. Суп из овсянки и картошка на рыбьем жире казались мне очень вкусными... Помню, как однажды мама принесла с базара крохотный пузырек с молоком и белую булочку. По дороге мама упала, пузырек разбился, стекло впилося в булочку. Мама никогда не плакала. А тут, поглядев в сумку, горько заплакала... А потом ее положили в больницу — истощение. Там ей давали по три пирожка в день. Но когда к ней заходила в больницу наша соседка по квартире, мама умудрялась и пирожки пересылать мне. Отец не возвращался с аэродрома, где работал. О болезни мамы он узнал с большим опозданием, и я долго пробыла одна. Я была совсем маленькой, не понимала происходящего. Соседка, которая заботилась обо мне, как могла, сказала, что два-три дня она не появится, поедет в лес за морозятами. Я терпеливо ждала ее, гадая, как выглядят морозята и кто это такие. Почему-то они представлялись мне желтыми птенчиками. Вернулась соседка обмороженная, с мешком мерзлой картошки. Она отправилась с санками в деревню, едва не стала жертвой волков. Ей удалось обменять мамину шубу и что-то еще из вещей на картошку, и самоотверженный поступок этой женщины спас тогда нас всех... Но это я поняла позднее, а тогда больше огорчало, что мне так и не удалось увидеть обещанных морозят. Представляешь, как было бы хорошо, будь у меня в те дни Шарик или Джека!

Этот разговор тогда примирил нас. Но и Джека не давала Паше поводок для новых недоразумений, она даже позволяла ему брать ее на руки, ластилась к нему.

Время шло. Наступила зима. Джека превратилась в почти взрослую сильную собаку. Теперь она ходила со мной на каток, устроенный в нашем дворе. Собака держала в зубах поводок, я бралась за него обеими руками, и она охотно катала меня по льду. Джека позволяла и Саше использовать ее как ездовую собаку — тянула санки, которыми он правил. Восторженные взгляды подобревшей к ней детворы явно радовали ее. Она наконец перестала облаивать моих друзей и даже откликнулась, когда они ее звали. К Новому году Джеке было уже четыре месяца.

Как обычно, перед этим волнующим праздником нас с Сашей переселили в комнату родителей. А в нашей потихоньку нарядили елку, положили под нее подарки.

Новогодняя ночь волновала воображение пятилетнего мальчугана. Вечером, когда мы ложились спать, Саша рассудительно сказал:

— Я знаю, что никакого Деда Мороза нет. — Он помолчал, сдвинув брови, напряженно думал. Потом озадаченно спросил: — Но если его нет, то кто же тогда приносит нам ночью подарки?

— Конечно, Дед Мороз! — Я старалась поддержать в нем угасавшую детскую веру.

На этот раз Джека чуть не испортила нам весь праздник. Тридцать первого декабря родители были на работе, я — в школе, Саша — в детском саду. Елку нарядили еще с вечера...

Домой я вернулась одновременно с мамой, ее отпустили с работы пораньше. Едва мы открыли дверь, как увидели сияющую Джеку. В это трудно поверить, но собака улыбалась! Она бросилась к нам, чтобы и мы разделили ее радость. Но что у нее был за вид! К морде прилипли куски усыпанной блестями ваты, с шеи свисали нити дождя и цветного серпантина, в шерсть забились хвойные иголки.

Мы ринулись в комнату. Там царил полный погром. Огромная, под потолок, нарядно разукрашенная елка лежала на полу. Вокруг валялись разбитые игрушки. От венчавшей макушку звезды остались одни осколки. От Деда Мороза и Снегурочки — лишь деревянные остовы. Висевший на елке шоколад исчез, но блестящие обертки на полу красноречиво говорили о том, куда он делся. Не лучше обстояло дело и с подарками. У нарядного Буратино, давней мечты Саши, не хватало руки и была прокушена нога. Пенковая трубка, предназначенная в подарок отцу, сиротливо валялась в углу, отдельно от футляра. Футляр превратился в грудку крошева, но сама трубка не пострадала. С моего нового платья, тоже почти не пострадавшего, исчезли шелковые цветы — алая и белая розы. Растрепанные лепестки виднелись среди осколков елочных украшений. Разгром Джека учинила полный. Она, видимо, почувствовала неладное, поняла, что все эти красивые вещи предназначались отнюдь не для ее игр. Собака забилась в угол и начала жалобно скулить. Потом подползла ко мне и, глядя снизу вверх виноватыми глазами, стала лизать туфли. Мне стало нестерпимо жаль этого несмышлениша, и я попросила маму:

— Сами виноваты, не закрыли комнату на ключ. Ты бы как-то успокоила отца...

— Мы всегда оставляли комнату открытой, чтобы Саша сразу мог после детского сада войти и увидеть елку... Боюсь, что все это уже непоправимо, а нрав отца ты знаешь...

— Я сейчас позову Пашу, и мы все уберем! Ведь отцовская трубка не пострадала. Остальное не так важно...

— А подарок Саше?

— Еще не поздно, я попрошу Веру съездить в магазин и купить другого Буратино...

С грехом пополам мы кое-как установили елку, убрали комнату, повесили на елку отцовскую трубку, прикрепив к ней бант, словно так оно и было задумано. Игрушек осталось совсем мало, и мы наскоро слепили из цветной бумаги пестрые гирлянды, теперь стало не так заметно, что елка убрана небогато. Уже после прихода отца потихоньку принесли Буратино. Отцу объяснили, что елку установили непроч-но, и она упала. Отец не больно поверил нашим словам, но, видимо, решил, что виновата я, и не стал портить Новый год разбирательством.

Но после праздника Джека опять совершила проступок. Когда в квартире никого не оказалось, она вытащила из кухонного шкафа все пакеты — с крупой, мукой, солью, специями — и расставила их по полу. Когда мы вернулись, весь пол в кухне был заставлен пакетами и кулками. Что она задумала, осталось неясным. То ли просто развлекалась, то ли решила помочь матери, которая накануне без конца доставала из шкафа то один, то другой пакет, готовя праздничный ужин... Но бумага оказалась прокушенной, крупа и мука просыпались, и на этот раз отдал ей хорошую взбучку. Она долго ходила присмирившая и виноватая. А через день мы уезжали на зимние каникулы в деревню к бабушке. Отец взял часть своего отпуска и ехал с нами. Мы уговорили его взять с собой Джеку.

В поезде на нее надели намордник. Она не сопротивлялась, решила, что с ней играют. Но когда почувствовала неудобство, то вцепилась лапами в ремешки, стала тереться мордой о коврик и довольно быстро освободилась от пут.

Видимо, она поняла, что главная гроза в вагоне — проводница, потому что выскользнула без намордника в коридор, добралась до служебного купе и умильно лизнула проводнице руку. Такого подхалимства за ней раньше не водилось, но результат оказался самым хорошим для Джеки — ей милостиво разрешили разгуливать по вагону.

— Какая она у вас понятливая и смиренная! — умилялась проводница. — Такой намордник не нужен, она мухи не обидит!

Джека быстро освоилась в поезде, и, только когда состав входил в туннель и раздавался оглушительный паровозный гудок, она бросалась к отцу, решив, что только он способен защитить ее от оглушительно ревущего чудовища. Привалившись всем телом к отцовской ноге, она успокаивалась.

В деревне Джека сразу поняла, что она тут в гостях и надо вести себя деликатно. Она не задиралась с деревенскими собаками, проходила мимо них гордо и независимо, не отвечала лаем на их лай, не бегала за кошками и лишь один раз позволила себе разойтись. Но лишь для того, чтобы пресечь неслыханное нахальство.

А случилось вот что. Бабушка Саша старалась готовить нам всякие домашние деревенские лакомства. Однажды она напекла аппетитных румяных блинов, щедро сдобрила их маслом. День выдался солнечный, и отец, положив на тарелку блины, вышел с ними на крыльцо, сел на лавку и закурил трубку. Привлеченные аппетитным запахом, сейчас же прилетели изголодавшиеся воробьи. Они расселись на перилах, не решаясь подлететь ближе. Отец уже подцепил один из блинов, когда самый отважный из стаи решил на дерзость — подлетел к тарелке, сел на краешек и клюнул блин. Отец потянул к себе румяный блин, воробей ухватился клювом за другой конец. И тут с яростным лаем подлетела Джека. От неожиданности

воробей завалился на спину, сорвался с края тарелки и бешено заработал крыльями. Но блина не выпустил. В результате у него в клюве оказался внушительный кусок. Джека пришла в неистовство. Не разбирая дороги, опрокинув тарелку, она ринулась к наглецу и непременно поймала бы его, если бы не грозный окрик отца. Джека недовольно посмотрела на него, потом презрительно взглянула на замершего, забившегося в угол террасы воробья и медленным гордым шагом удалилась с террасы, у нее был вид оскорбленной добродетели. Воробей отряхнулся и неловко взлетел. Когда он оказался возле палисада, на него набросились его сородичи, пытаясь выхватить добычу. Кое-что им удалось урвать, но большая часть все же досталась этому отчаянному смельчаку. Брошенная бабушкой Сашей горбушка примирила драчунов, насытила всех.

Жизнь деревенского дома очень занимала нас с Сашей. В доме жили два кота, бабушкины любимцы. В хлеву блеяли овцы, хрюкал поросенок, мычала корова. Но самым интересным был совсем маленький теленок, которого держали в сенах. Нам нравилось кормить его. Ласковый рыжий теленок глядел на нас с Сашей огромными добрыми глазами, доверчиво тыкался влажным носом в руки, пытался лизнуть в лицо большим шершавым языком. Не дотянувшись до лица, однажды удовольствовался моими сапожками и добросовестно вылизал их, содрав верхний слой — под тонкой пленкой, имитировавшей лак, оказалась неприглядная серая ткань. Сапожки непоправимо пострадали, зато дружба с теленком окрепла. Он начал ходить за мной по сенам, а потом и по всему дому, как собачонка, что очень забавляло всех домашних. Джека стойко терпела это посягательство на ее права, но характер показала только перед самым отъездом, в критический, как ей показалось, момент. К дому подкатил газик, чтобы отвезти нас на станцию. Теленок вышел следом за мной из дома и, когда я села в машину, занес копыто на ступеньку, намереваясь забраться в машину, но ступенька оказалась слишком высокой. Теленок обиженно и озадаченно смотрел на меня грустными глазами, словно размышлял, как поступить. Джека решила, что если она сейчас же не вмешается, то соперник окажется в машине, а потом в московской квартире. Этого допустить она не могла. Собака, устроившаяся было у меня в ногах, встала, высунулась из двери и так гавкнула на бедного теленка, что тот отшатнулся, обиженно отошел и уже не решался приблизиться к машине и только смотрел на всех недоуменными огромными глазами, в которых читалась такая тоска, что я долго потом без сострадания не могла вспоминать о нем, словно была в чем-то виновата.

В Москве Джека совершила сразу два благородных поступка, что прочило ее репутацию необычайно умной собаки и пришлось по душе отцу, который только теперь начал убеждаться, что гены дают все же о себе знать.

Дня через два после возвращения из деревни отец потерял свою пенковую трубку, которую успел обкурить и к которой привык. Страстный курильщик, он не на шутку огорчился. Каждая новая вещь долго оставалась для него чужой, но когда он привыкал к ней, то ее утрата становилась для него чуть ли не трагедией. На этот раз он очень сокрушался, искал повсюду трубку, заставил нас перерыть всю квартиру, обшарить двор. Но пропажа так и не нашлась. А Джека тем временем придумала себе странное занятие. Как только оказывалась во дворе, начинала копать в куче песка, недавно привезенного во двор для будущей детской площадки. Копалась подолгу, ее буквально вытаскивали из этой кучи, чтобы загнать домой. Она прорыла в песке чуть ли не лаз. Но однажды вылезла из него с отцовской трубкой в зубах. После этого ее внезапным причудам стали верить, угадывать в них смысл.

Поэтому, когда мама как-то вышла гулять с собакой и та неожиданно буквально потащила ее, натянув до предела поводок, через сквер, через улицу, через площадку, — мама не стала сопротивляться, хотя и удивилась. Собака настойчиво вела ее за собой, и вскоре они оказались в приемном покое больницы. Каково же было изумление мамы, когда там ей сообщили, что часа два назад сюда из сквера принесли Сашу — он сломал ногу. Мальчишки, с которыми он прыгал через забор — неудачный прыжок и стал причиной несчастья, — принесли Сашу на его же куртке в районную больницу, благо та находилась неподалеку.

Излишне говорить, что после такого Джека стала чуть ли не легендарной собакой. От нее многого ожидали, ведь, по существу, она была еще щенком.

Но судьба распорядилась иначе. Она заболела чумкой. Прививку ей сделать не догадались, и болезнь проходила тяжело. Джека стала вялой, утратила аппетит и интерес к окружающему. Когда ее повезли к ветеринару, он только развел руками:

— Лекарства, конечно, дам и укол сделаю, но болезнь запущена. Если она и выживет, то полноценной собакой уже не будет. Жалко, это чистокровная немецкая овчарка.

Джека выжила. Опять стала живой и смысленной. Но так и не выросла больше. Не обрела былого аппетита. Из-под кожи у нее выпирали ребра. Стало даже как-то неудобно прогуливать ее, казалась, ее вид свидетельствовал о плохом уходе и скaredности хозяев, которые морят ее голодом. Она виновато глядела на меня, когда я давала ей то мясо, то похлебку с крупой. Ела она только котлеты и конфеты... Собака вызывала в нас чувство вины и жалости...

Иногда на прогулках к нам подбегал Буран, обнюхивал Джеку, терся мордой о ее бок, словно подбадривал... А через год они вместе исчезли. Напрасно хозяева Бурана и мы обошли все окрестные дворы, обшарили парк — они не отзывались.

Если мы горевали по своей Джеке, то хозяин Бурана, молодой геолог, и его старушка мать были просто безутешны. Свою овчарку геолог достал с большим трудом. Ее отдавали в какую-то специальную школу, возлагали большие надежды, собака нужна была в долгой сибирской экспедиции, куда геолог собирался.

Мы уже не надеялись увидеть Джеку, прошло немало времени со дня ее исчезновения, когда к нам прибежал геолог и сообщил, что беглецы вернулись и находятся у них. Они привели с собой двоих щенков. Мы с мамой побежали смотреть на них. Джека раздобрела, но держалась несколько диковато, хотя сразу подошла ко мне, оставив своих щенков.

Геолог и его мать смотрели на нас чуть ли не с мольбой.

— Это породистые щенки, лучше не бывает. Вы, наверное, заберете их? — осторожно начал геолог.

— Тут такое святое семейство получилось, что мы не решимся их разлучать... Но где вы их всех собираетесь держать, у вас всего одна комната?

— Об этом не беспокойтесь. Отвезем их на дачу, я там большую часть года живу, — быстро сказала мать геолога.

— Хорошо. Потом будет видно, что делать дальше, — неопределенно произнесла моя мама.

Когда через месяц мы решили поведать Джеку и узнать, нельзя ли ее забрать, выяснилось, что геолог получил квартиру и куда-то переехал. Новые жильцы не знали его адреса. Правда, вскоре позвонила его мать и спросила, могут ли они оставить у себя нашу собаку. Но по тому, как напряженно она ждала ответа, чувствовалось, что разлучить их невозможно и звонит она из чистой порядочности. Мы ограничились тем, что расспросили, как она живет, и попросили дать нам хотя бы щенка. Но и щенка не получили, потому что вскоре сами переехали из центра в микрорайон, почти на самую кольцевую... Связь с новыми хозяевами Джеки окончательно порвалась.

Наверно, так бы и осталась эта история детским воспоминанием, не случись через много лет другой, еще более примечательной истории.

Джека напомнила о себе самым неожиданным образом, почти через тридцать лет.

В сентябре 1984 года я летела с группой журналистов на БАМ, на стывку. Начинаясь наш путь по трассе БАМа со станций Лена, Звездная, Ния. Мы прилетели в Усть-Кут рано утром. За неимением гостиницы нас разместили в здании Речного порта, на самом берегу реки. Над привольной Ленной вставало солнце, освещало дальнюю тайгу на склонах невысоких гор. Все было непривычным и даже загадочным — и тишина, и старая деревня на противоположном берегу реки, сибирская, с добротными домами, возле каждого из

которых лежала на траве перевернутая вверх дном лодка, и напряженная жизнь реки, по которой бесшумно все шли и шли баржи с лесом, буксиры, грузовые суда.

Мы не очень удивились, когда узнали, что почти по той же траектории, по которой прошел некогда знаменитый тунгусский метеорит, недавно прошло другое небесное тело — алый шар. Но он не упал на землю, а рассыпался на лучи, не оставив никаких следов. Об этом много говорили в те дни, шар многие здесь видели. Мы встретились с очевидцами. Они рассказали, что при этом было такое мощное поле, что в домах гас свет. Один плотник четыре раза менял перегоревшие все время лампочки, но сколько ни вкручивал, они сейчас же выходили из строя. Падающее тело издавало звуки, похожие на шорох листьев. Это последнее обстоятельство завладело воображением поэта, прилетевшего с нашей группой.

Для нас же, призванных писать о сотворенном руками человека чуде — Байкало-Амурской магистрали, протянувшейся на три тысячи сто два километра среди таежных чащоб, болот, гор, этот природный феномен стал лишь своеобразной прелюдией к тому, что нам предстояло увидеть.

От станции Лена, нашей первой станции на БАМе, до поселка Звездный нас доставили в агитвагоне. Глядя на облицованное розовым туфом внушительное здание железнодорожного вокзала, на многоэтажные жилые дома вдаль, на великолепное розовое здание общественного центра, я невольно вспомнила, как в 1978 году впервые побывала на БАМе, в Зейске, таежном поселке мостовиков. Палатки, деревянные бараки на берегу Зейского водохранилища, огромного искусственного озера с островками из верхушек затопленных таежных елей... И шутки мостовиков на наши разочарованные слова:

— Но здесь даже насыпи нет!

— А зачем вам насыпь? Тут мост начинается, самый большой на БАМе. А что такое БАМ? Это мосты, соединенные рельсами.

Во временном таежном поселке на Зее готовились к броске вперед. Здесь, в Звездном, обосновались основательно. Давно стоит в музее поселка первая палатка, там же висят фотографии первых десантников, первых молодоженов, первых бамовцев — Героев Социалистического Труда... В уютной, совсем городской гостинице поселка только густо облепленные копошащейся мошкой окна напоминали о том, что там, за стеклами, простирается на тысячи километров дикая тайга...

В Звездном мы стали свидетелями необычайного оживления — через поселок везли на стыковку Золотое звено. Вместе с жителями поселка мы бросились к станции. Рельсы, призванные замкнуть прославленную магистраль, были и в самом деле золотого цвета, сияли в лучах осеннего солнца. Они торжественно плыли на высокой платформе мимо кричащих, машущих руками людей, мимо взметнувшихся в воздух касок и кепок.

Я слышала, как молодой парторг сказал поэту:

— Может быть, вы этого не поймете... У меня такое чувство, будто главная высота в жизни взята. Приехал я сюда в апреле 1974 года. Апрель для нас — месяц особый, с него все тут начиналось. Даже те, кто приехал в мае 1974-го, уже многого не видели... Думал, пороботаю год — и домой, на свой завод. А следующий участок еще интереснее и сложнее оказался. И такие ребята тут собрались! Решил: закончим следующий участок — и домой. Так и шло время. Потом решил: дождусь стыковки! Десять лет с лишним работаю на БАМе, теперь тут мой дом. Сейчас дни у нас особые, они венчают все эти годы!..

— Теперь вернетесь в свой город? — спросил поэт.

— Нет, что вы! Всем поездом, у нас тут не бригады — поезда, скоро снимемся и переедем на другое место, там будем новое строительство начинать!

— Вы такое дело совершили, что дети, внуки, правнуки будут гордиться вами, говорить: наши родители, деды, прадеды БАМ строили! С первого дня до стыковки! — воскликнул поэт.

Для нашей группы начались горячие дни. Мы разбились на бригады и разъехались по разным участкам, отрядам, поездам. И писали, писали, писали... Летели в Москву, Ленинград, Киев, во все концы страны интервью, репортажи, очерки...

Когда стыковка стала фактом, когда отшумели праздники в честь этого события, наша журналистская группа оказалась в Ние. Здесь нам предстояло немного прийти в себя перед возвращением. Внушительное серое здание просторного вокзала встретило нас торжественной тишиной. В поселок мы пошли пешком. Нию строили грузины, и въезд в поселок украшало подобие высокой арки, символизирующей братство русского и грузинского народов. Как и в Звездном, здесь выстроили красивое здание общественного центра, только тут его сложили, как и здание вокзала, из серого камня.

Вечером из Звездного приехали старые знакомые — строители. Они зашли к нам в гостиницу, где уже собрались и наши новые друзья из Нии. И пошли разговоры, которые закончились лишь под утро. Чего нам только не порассказали! Мы узнали об охотнике-отшельнике, почти сорок лет прожившем на глухой таежной заимке. Какое горе пережил он, почему сразу после войны ушел от людей, какие душевные раны залечивал одиночеством — осталось неизвестным. Вероятнее всего, потерял солдат близких и не смог жить в родных краях, подался в тайгу, думал до конца прожить в одиночестве. Но бурный век ворвался в его жизнь — рельсы БАМа подступили вплотную к его заимке. К нему стали приходиться молодые строители, просили научить их охотиться, рыбачить, плотничать... Сначала неохотно, а потом все оживленнее беседовал старый охотник с бамовцами, стал ходить вместе с ними в тайгу на зверя, делиться опытом, а мастером в своем деле он слыл редким... И однажды принял

решение — переселился в Звездный. Долго дивился благоустроенной квартире со всеми удобствами, радовался близости людей. Работать его устроили на разъезд. До сих пор ходит он в тайгу за ее дарами, учит своему искусству охотника молодых... Он самый опытный охотник в этих краях, его все уважают... Рассказали нам и о другом старом таежнике, сибиряке, но человеке совсем ином. Прозвали его Сучьим потрохом. Злая кличка, но он сам себе ее, как ярлык, привесил.

Жил он раньше в глухой таежной деревушке с женой Матреной. Когда начали строить БАМ, быстро смекнул, что неплохо бы податься на стройку. Но трудно было ему отделаться от собственнических замашек. Облюбовал он себе ручей, где много хариуса водилось. Построил он собственноручно через ручей мост. Часами сидел на берегу, людей от моста отваживал, чтобы единолично мостом владеть и хариуса ловить на продажу. Едва ступит кто-нибудь на бревна, как услышит грубый окрик:

— Эй ты, сучий потрох, иди своей дорогой, это мой мост, я его не про тебя срубил!

Дивились люди, глядя на него. Но никакие увещания на чудака не действовали. Странное зрелище являл он в поселке, где почти все было общим: один магнитофон на пять бараков, один столовый сервиз — для торжественных случаев, две гитары — тоже общие... А потом махнули на него рукой. Но злое прозвище, им же самим придуманное, накрепко прилипло к нему, никто уже не помнил его настоящего имени... По-разному высветила людские характеры и повернула людские судьбы великая стройка...

Я была единственной женщиной в группе, и бесконечные мужские разговоры, перешедшие на тему охоты и одобренные к тому же крепким словом, под конец утомили меня, и я вышла на улицу. Над горами, похожими на сопки, висела полная луна. В свете фонарей я рассмотрела у противоположного четырехэтажного дома лошадь, такую неожиданную здесь. Невысокий подросток пытался залезть на нее. Она покорно позволяла ему карабкаться на нее со скамейки. Но взобравшись, он сползал по крутому крупу и падал. Потом снова возобновлял свои попытки. Наконец они увенчались успехом, и он победоносно поехал домой.

Я увлеклась этой картиной и не сразу заметила, как из темноты выбежала огромная собака с горящими глазами и решительно ринулась ко мне. Темно-бурая, лохматая, с обрубленными ушами, она словно была порождением темноты. Глаза ее выжидательно и напряженно уставились на меня. Уж не волк ли это? Я отпрянула, вбежала в подъезд. Собака подошла вплотную к застекленной двери и продолжала пристально и выжидательно глядеть на меня. Я не выдержала ее взгляда и ушла в комнату. А когда через полчаса опять вышла на улицу, то не увидела собаки. И успокоилась.

Но как только я отошла от подъезда, она снова выбежала из темноты и выжидательно уставилась на меня. У нее были прямо человеческие глаза. Что ей от меня нужно? Сомнений не оставалось, она поджидала меня. Я стала медленно пятиться к подъезду. И вдруг собака задрала морду и завyla — протяжно, надсадно, с короткими перерывами. Мне стало жутко от этого долгого воя, и в то же время я понимала, что стала свидетельницей большого собачьего горя. Я пересилила страх и подозвала собаку. Она тотчас подошла. Но поглядить себя не дала. На шею у нее был добротный ошейник. Значит, она не дикая и, конечно, не волк.

— Сидеть! — приказала я.

И собака покорно села.

— Дай лапу!

Поколебавшись, собака протянула мне лохматую лапу.

— Да ты же прекрасная собака! Кто же тебя бросил? — вырвалось у меня.

— Джека! Джека! — вдруг услышала я голос врача из поселковой поликлиники.

Собака насторожилась, потом вскочила и убежала в темноту.

Врач приблизился ко мне:

— Странно, что она вас подпустила к себе. С тех пор, как внезапно заболел ее хозяин, она никого не признает. Совсем одичала за те два месяца, что он в больнице.

— В вашей больнице?

— Нет, пришлось его на самолете отправить в Иркутск, понадобилась срочная операция...

— Какое странное у собаки имя... — Я старалась говорить как можно спокойнее, но внутреннее волнение все же прорывалось наружу, голос у меня срывался.

— Здесь целая история... На трассе будущего БАМа когда-то работала экспедиция. Геологам помогали в работе собаки: овчарка Буран и два почти взрослых щенка — Джека и Буран-два. Геолог, хозяин собак, рассказал смешную историю, как мать этих щенков ее хозяйка сначала приняла за самца и назвала Джеком. Потом пришлось переименовать ее в Джеку.

— А что стало с Джекой-первой? Она тоже побывала здесь?

— Нет, ее оставили в Москве, что-то с ней стряслось, она не могла работать в экспедиции. А про Бурана и его потомство рассказывали прямо-таки легенды, приписывали им чуть ли не человеческую смекалку. Одного из щенков, тоже Джеку — имена родоначальников этого собачьего племени стали для него традиционными, — выпросили пограничники. Джека прекрасно себя проявила на границе, не одного нарушителя задержала. Но никого не признавала, кроме вырастившего ее проводника-солдата. Только его команды выполняла, только с ним на задания ходила, только из его рук брала еду. Тут с ней ничего

не могли поделаться. За полгода до окончания срока службы солдат стал работать с напарником, чтобы передать ему собаку. Джека напарника терпела, но хозяйником не признавала. А когда солдат демобилизовался и в свой последний день накануне отъезда не пришел в вольер, собака буквально взбесилась — металась по вольеру, выла, не принимала ни воду, ни пищу. Вы когда-нибудь видели вольеры, в которых содержат пограничных собак?

— Нет.

— Это высоченные клетки из проволоки, с острыми зубцами сверху. Так вот ночью Джека перепрыгнула через эту преграду, продрвав брюхо, и незаметно, по всем правилам, как ее учили, проползла через все посты, принякая к земле, добралась до казармы и забила под кровать своего хозяина. Нашли ее по кровавому следу. Собаку долго лечили, а потом отпустили вместе с солдатом. Тому пришлось почти две недели ждать, когда она поправится. Но он, конечно, радовался, что ему отдали Джеку, судьба собаки его беспокоила. Солдат приехал работать на БАМ, так Джека вновь оказалась здесь. Теперь ее хозяин — бригадир, орден недавно получил... Но не везет собаке, неизвестно, когда он теперь вернется. Просил в письме, чтобы переправили как-нибудь Джеку к нему в Иркутск. Но она никого к себе не подпускает. С норовом...

— Это дочка Джеки-первой?

— Нет, уже внучка. Как мы странно их называем — дочка, внучка, как людей... — Врач улыбнулся.

— Вы не поверите, но мне кажется, что собака не случайно подбежала именно ко мне. Не знаю, что она чувствует и понимает, что заложено в ее памяти, но я была хозяйкой Джеки-первой, это у нас в семье ее нарекли таким смешным именем...

— Вот уж поистине неисповедимы пути жизненные! — воскликнул врач.

— Может, покормить Джеку? Мне кажется, она прибежит, если я ее позову. У меня такое чувство, будто она меня подстерегает.

— Конечно, позовите... Собака замечательная. Года три тому назад зимой у нас двое ребят в тайге заблудились, так она их разыскала, людей к ним привела. А какой она сторож! Ящики с продуктами и одеждой оставляли под ее охраной — ни разу не подвела... И вот пропадает зверина...

— Джека! Джека! — позвала я. Собака и в самом деле сразу подбежала. Теперь я узнала в ее облике знакомые черты. Масть — в Бурана, а шерсть лохматая и длинная, как у Джеки. И этот смысленный взгляд. Но в глазах собаки была почти человеческая тоска.

Я сходила в комнату и вынесла ей миску с мясными обрезками. Но она подошла к миске неуверенно, как бы нехотя. Осторожно взяла кусок, проглотила. Было видно, что теперь ей хочется наброситься на

еду и есть быстро, жадно. Но она пересилила себя и ела медленно, то и дело недоверчиво поглядывая на доктора.

— Вы бы отошли. Наверное, она считает, что это вы отняли у нее хозяина,— сказала я, и врач молча ушел в подвезд.

Собака стала есть охотнее. Но когда я попыталась погладить ее,— зарычала, оцетинилась.

Должно быть, ее привела ко мне все же случайность — горе стало таким невыносимым, что потянуло к людям, жилью, а я показалась безопаснее и безобиднее других. Да и как человек в этих местах новый, я не могла оказаться причастной к отправке ее хозяина в неведомые дали.

— Я бы забрала собаку, если ее хозяин не вернется,— сказала я утром парторгу, который нас провожал.— Вот мой адрес. Только не забудьте мою просьбу, хорошо? Такую собаку нельзя бросать. Я прилечу за ней. Уверена, она ко мне привыкнет... Для меня это не просто собака...

Не знаю, что понял парторг из моего не больно понятного объяснения, ведь я не имела возможности рассказать ему всю эту историю с начала до конца, но он заверил, что не забудет моей просьбы... В тот же день мы вернулись в Москву.

Я долго не знала ничего о судьбе собаки. Молчание беспокоило, и я уже хотела написать в Нию, когда все прояснилось. Однажды вечером в нашей московской квартире раздался телефонный звонок. Звонили из Домодедова:

— Выполняя поручение нашего бригадира. Когда он вернулся из Иркутска, ему передали ваше пожелание. Я здесь пролетом... Можете сейчас приехать и забрать собаку?

— Джеку?

— Джеку, но не ту, которую вы видели в Ние, та неразлучна со своим хозяином. Вам прислали щенка, тоже Джеку, так уж повелось в этом собачьем роду.

— Я знаю! Спасибо, сейчас же выезжаю...

Когда через два часа мы с мужем приехали в аэропорт, звонивший, не дождавшись нас, уже улетел по своим срочным делам. Но оставил дежурной корзинку со смешным лопухим щенком с мохнатыми лапами и смысленными любознательными глазами-бусинками.

Щенок сейчас же охотно вскарабкался мне на колени, свернулся калачиком и замер, пригравшись. Я взяла его на руки, прикрыла полый пальто и понесла в машину.

Так через тридцать с лишним лет к нам вернулась Джека...

В НОЧНОМ ПОЕЗДЕ

За темными окнами вагона проплывали призрачные огоньки. Валентин прислонил лицо к прохладному стеклу, сясь рассмотреть силуэты домов и деревьев. Тьма словно растворила в себе и дома, и деревья, и телеграфные столбы, и мосты. Только таинственный древний огонь жил в ночи, дробясь на тысячи огоньков, мерцающих в окнах домов, вспыхивающих речными бакенами, устремленных к звездам в порыве рук-башен, обозначенных красными огоньками. Валентину казалось, что все эти светящиеся точки зовут его «свернуть на огонек», что за каждым освещенным окошком — уютный мир благополучных людей.

Только он такой нескладный. И чего он взорвался в кабинете главврача санатория? Откуда тот мог знать, что с Валентином приключилось? Наверно, стоило ему объяснить все по-человечески, а не лезть в бутылку. Он бы, конечно, все понял. Мальчишество какое-то тогда обуюло. А теперь пропали каникулы. И путевка. Этот учебный год был для него трудным, он всю зиму проболел. В стройотряд его не взяли — не пустили доктора. С таким трудом ему путевку в санаторий достали, и вот, пожалуйста... И недели не прожил в санатории. Чего доброго, придется брать академический отпуск, а это значит, еще на год отодвинется тот желанный день, когда он, новоиспеченный метеоролог, полетит далеко на северо-восток, где синее загадочный пролив Лаперуза, где звучит морзянка, где устремляются на сигнал мужественные люди и где нужны такие, как он. Его отец, метеоролог, всю жизнь проработал на маленьких северных станциях. После его смерти они с матерью поселились в Ленинграде, в квартире бабушки... Только бы здоровье не подвело Валентина, ему надо обязательно окрепнуть за лето, иначе его мечта осуществится не скоро...

А как хорошо все начиналось. В институте ему дали путевку в санаторий на целый месяц. Августовская Ялта пленила его. Жаркое солнце, ярко-синее небо, соленый ветерок с моря, оживление на улицах — все это вместе составляло тот колорит юга, о котором он до этого только читал. И планов у него было много — вот окрепнет немного и побывает в Мисхоре, Алуште, а может быть, даже и в Севастополе.

Он повеселел, поверил, что боль в суставах, такая редкая у людей его возраста, наконец оставит его, ему не будут предлагать академический отпуск, исчезнет то препятствие, которое отделяет его, студента выпускного курса, от настоящей жизни, которая для него скоро должна начаться.

В санатории ему тоже сначала повезло. Мест в основном здании не оказалось, и его поместили в маленьком деревянном домике на берегу моря. Засыпая вечером, он видел необычайно яркие южные звезды, а утром просыпался от первых лучей солнца, пробивавшихся сквозь густую листву деревьев.

Пока другие спали, он успевал искупаться. Морская вода давала ощущение легкости, и он заплывал далеко от берега. А как-то после обеда взял лодку, отплыл на значительное расстояние и «лег в дрейф»...

Вот только с соседями ему не больно повезло, это были мужчины пожилые, степенные, в домике они поселились, считая, что на берегу больше йодистых испарений. На Валентина они посматривали неодобрительно: он поздно ложился, рано вставал, нарушая режим и их покой. Валентин это понимал, но слишком велико было его опьянение морем, кипарисами, горами.

А на пятый день неожиданно испортилась погода. Среди ночи налетел ветер, к утру он достиг штормовой силы. Огромные косматые волны с грохотом обрушивались на берег, увлекая за собой гальку, водоросли, щепки. Мутные потоки облизывали песок, бились о прибрежные скалы, брызгами взвивались ввысь, сверкая в лучах утреннего солнца. Водяная пыль переливалась всеми цветами радуги.

После завтрака Валентин спустился по крутой тропке к морю. Он сел на камень метрах в десяти от воды. Водная стихия навевала щемящие мысли о жизни и вечности: столько людей ушло, столько еще придет и уйдет, а эти волны все бьются об эти берега. Они шумели и тогда, когда на земле не было жизни. Может, именно на эти голые камни выползло на сушу существо, прошедшее все стадии эволюции и ставшее человеком. Он готов был почувствовать в этом непонятном и величественном пространстве зов веков, свою прародину.

— Маша, иди сюда, тебя смое! — вдруг донеслось до Валентина, и он невольно обернулся на голос.

На берегу стояла пожилая женщина в белой панаме и махала рукой девочке лет тринадцати, которая лежала на высоком плоском камне у самой воды.

Волны порой поднимались до камня и окатывали девочку. А она восторженно взвизгивала и смотрела на женщину смеющимися глазами.

— Ничего, бабушка, не случится! — ответила она, довольная своей храбростью, и посмотрела на Валентина, словно ждала от него поддержки.

Он невольно залюбовался ее задорным курносым личиком и улыбнулся в ответ.

Разбушевавшееся море влекло к себе отдыхающих — к воде спустилось еще несколько человек. Валентин почувствовал досаду, встал и хотел было уйти, когда услышал многоголосый крик. Резко обернувшись, он увидел отступающую от берега огромную волну и мелькнувшее в ее пене беспомощное хрупкое тело.

Словно невидимая пружина подняла его и бросила в клокочущий котел. Он нырнул, проплыл немного и почувствовал, что ухватил было девочку, но его отбросило в сторону. Он вынырнул, несколько раз

судорожно глотнул воздух, увидел сквозь завесу брызг собравшуюся на берегу толпу, ему что-то кричали.. Он снова погрузился в воду. Вскоре все поплыло у него перед глазами, стало не хватать воздуха. Но сознанием владела одна мысль: нырять, искать, найти. Погружаясь снова и снова, он удалялся от берега и уже чувствовал, что долго не выдержит. У него саднила нога и бедро, поранился о камни... Он совсем уже выбился из сил, когда неподалеку мелькнул красный купальник. Он сделал рывок и нащупал скользкую ткань. Крепко ухватив одной рукой тело девочки и лихорадочно работая ногами и свободной рукой, выплыл на поверхность.

Самым трудным было преодолеть границу прибоя. Тут подоспели спасатели...

Девочка была без сознания. Ее уложили на гальку, над ней склонилась женщина-врач.

Люди тесным кольцом обступили пострадавшую.

Валентин уже у берега снова ударился о камень. Из глубоких ссадин сочилась кровь. Шатаясь, он добрал до кустов и рухнул, проваливаясь в небытие. Его ухода никто не заметил. В тот момент о нем просто забыли. Он не помнил, сколько времени пролежал так в полузабытьи. Потом у него болезненно обострился слух. Он услышал шум моря, шелест листвы, обрывок разговора.

— Разве откачают? Минут десять, видать, под водой пробыла, да и покалечило,— произнес мужской голос.

— Ей бы жить да жить...— грустно ответил женский.

«Значит, все зря»,— подумал Валентин, почувствовав ко всему безразличие и снова проваливаясь в темноту.

Когда он окончательно пришел в себя, был уже вечер. Он поднялся и, пошатываясь, побрел к санаторию. Одежда на нем не просохла, его мутило.

Под неодобрительные взгляды соседей он лег на свою кровать. Спал беспокойно, вскрикивал во сне, ему все время снилось, что он продолжает кружиться в кипящем котле, захлебывается, глотает соленую воду. И отчаивается от бессилия...

Утром медсестра сказала, что его вызывает главврач.

Разговор был коротким и неприятным.

— Товарищи, которые живут с вами в одной комнате, говорят, что вы постоянно нарушаете режим, а вчера вечером вернулись в пьяном виде и весь избитый.

— Не говорят, а лгут,— мрачно ответил Валентин. Он никогда не лгал, и такая клевета ошеломила его.

— Как это лгут? Я же вижу ваше состояние! Вы весь в синяках и кровоподтеках, вам трудно оправдываться.

— Я и не оправдываюсь. Меня никто не бил, и я не был пьян. Вообще не пью спиртного.

— Выходит, вы, молодой человек, сами себя так разукрасили? Что же с вами произошло на самом деле? — В голосе врача сквозила издевка.

— Я купался.

— Купался? В шторм? Да вы в своем уме? Зачем же вы купались?

Валентин, от природы мягкий и уступчивый, привыкший к пониманию, видел, что ему не верят, и не знал, как защитить себя.

— А вам мои объяснения не нужны. Вам уже все объяснили, вы уже обо всем имеете свое мнение. Так что, если мое поведение вас шокирует, можете выписать меня из санатория!

— И выпишу! — крикнул задетый за живое главврач.

Вряд ли он привел бы в исполнение свою угрозу, скорее разобрался бы в происшедшем, но Валентин не стал дожидаться его решения. Он в тот же день купил билет на поезд и собрал вещи. И уже на автобусной остановке раскаялся в своем поступке, услышав оживленные пересуды стоявших в очереди женщин:

— Да, за детьми глаз да глаз! Хорошо, что выходили!

— Намучились с ней врачи, но спасли.

— По-настоящему ее спас тот парень, которого так и не нашли.

Дальше Валентин не слушал. Огромная радость переполнила его сердце. В автобусе он беспричинно улыбался, вызывая недоуменные взгляды, и чуть не пел.

А теперь корил себя за мальчишество. Что стоило вернуться и рассказать все, как было!

Но он понимал, что его беды, его глупое самолюбие, неприятный разговор с главврачом — такие мелочи по сравнению с тем, что он, Валентин, спас девочку!

Теперь он знает, что где-то на родной земле будет безмятежно гореть в ночи среди многих других и тот огонек, которому он не позволил погаснуть. И неважно, что он не знает, в каком городе или поселке большой страны горит этот огонек, — важно, что он есть, что он зовет «свернуть на огонек»...

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Вот какой случай произошел с моим племянником. Парень он решительный. Кончил институт, стал химиком, поехал в Сибирь работать. Школу, между прочим, с медалью окончил и диплом в институте с отличием получил. И вот из Сибири ему надо было в город Н. по срочному делу лететь. Не помню уже, то ли он утверждать что-то вез, то ли в аспирантуру поступать решил, но вылетел в последний момент, не хотел лишний день терять.

Однако так получилось, что самолет из-за погоды не в том городе посадили, и он опоздал на один день, а там сроки сдачи твердые были.

Но мой племянник считает, что все инструкции для человека существуют и всегда можно исключение сделать, если это на пользу дела пойдет. Поэтому, когда ему в том учреждении, куда он прилетел, сказали, что то ли проект, то ли документы у него уже не примут, опоздал, мол, он решил в вышестоящую организацию пойти. Начальник отдела, к которому он попал, оказался человеком отзывчивым, выразил сочувствие, заверил, что таких людей, как он, практиков, работающих к тому же в Сибири, надо ценить, делать для них исключения, но...

— Все же вы опоздали, придется вам еще выше пойти.

Парень и еще выше пробился. Там его тоже встретили хорошо:

— Понимаю вас, сочувствую! Готов пойти навстречу, но мы получили инструкцию — не принимать ничего по истечении срока приема.

— И ничего нельзя сделать? — огорченно спросил мой племянник.

— Почему нельзя? Инструкцию прислала стоящая над нами организация, надо обратиться туда. Ваш случай предельно ясен, принесите заявление с резолюцией сверху, и мы ваш вопрос решим.

— Спасибо, — горячо поблагодарил начальника мой племянник и бросился вниз по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки.

Ему опять повезло — в высоком учреждении, куда он пришел, его принял сам товарищ Белов.

— Так и так, товарищ Белов. Я из Сибири, опоздал с подачей бумаг (или проекта) на один день, — и он обстоятельно рассказал все с начала до конца.

Товарищ Белов не на шутку рассердился:

— Что за бюрократию развели! Сами могли решить вопрос. Ничего, мы сейчас все утрясем.

Взял заявление моего племянника и написал на нем: «Не понимаю, почему не пошли навстречу, не вижу к тому основания!»

Окрыленный племянник горячо поблагодарил и полетел в то учреждение, с которого начались его хождения. Влетел прямо в кабинет начальника, который ему наверх обратиться посоветовал:

— Вот! Здесь резолюция самого товарища Белова!

Начальник посмотрел на резолюцию и наложил свою: «Прошу отнестись со всем вниманием».

Мой племянник, размахивая обросшим высокими резолюциями заявлением, помчался туда, где у него отказались принять документы (или проект). Вид документа, похоже, не вызвал большого энтузиазма. Работник учреждения поднял телефонную трубку, набрал номер и сказал:

— Товарищ Белов? Мне заявление принесли с вашей резолюцией. Вы спрашиваете, почему мы не приняли бумаги. Отвечаю: действовали согласно вашей строгой инструкции. Товарищ опоздал... Правильно действовали? Спасибо. И я так считаю. До свидания.

И, повернувшись к моему ошеломленному племяннику, с приятной улыбкой произнес:

— Ничем не могу вам помочь. Сами видели, сделал все, что мог. Всего вам доброго!..

На второй круг моего племянника не хватило. Сошел с дистанции. Вот какая грустная история.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Наташа медленно шла по Ленинградскому проспекту. Снег скрипел под ногами, призрачный свет фонарей, похожих на одуванчики, с которых облетает снежинками пух, навевал воспоминания. Она давно не ходила так неспешно, подолгу. Сегодня, через десять лет после окончания института, бывшие студенты-заочники собирались в ресторане «Якорь», возле Белорусского вокзала. До встречи Наташа зашла к матери, в большой дом, где жили авиаторы и моряки и где прошло ее детство.

Когда Наташа только что вышла замуж, во двор этого дома вихрем влетел на своей «Волге» ее однокурсник, отчаянный летчик Петр Осипов, и потребовал, поднявшись в квартиру, чтобы Наташа вышла для объяснения. Ее муж Сергей попробовал воспротивиться, но Петр заявил:

— Мне твоя печать в паспорте не препятствие! Ты лучше ее сердце завоюй! Я прямо говорю — ухаживал за ней и ухаживать буду. А сейчас твоя жена пусть лучше выйдет, ничего с ней не случится!

— Петр, что за ультиматум? Ты в своем уме? — возмутилась Наташа.

— Я от тебя ничего не требую, но выслушать меня ты можешь?

— Говори при муже.

— Думаю, ему нашего разговора лучше не слушать.— В тоне Петра не было угрозы, но, зная его, Наташа уступила.

— Сергей, мы, пожалуй, поговорим внизу, в машине. Не волнуйся, скоро вернусь.

Сергей удалился, возмущенно сопя, а Петр и Наташа спустились вниз. Не успела Наташа захлопнуть дверцу, как «Волга» сорвалась с места:

— Какой я летчик, знаешь, теперь посмотришь, какой я водитель!

Летчика Осипова и в самом деле все знали — о нем писали газеты, его портрет висел в городском аэровокзале над картой с густой сетью авиалиний, проложенных им во все концы света. Знали его и жильцы дома, где жила Наташа, — однажды он на маленьком тренировочном самолете подлетел к этому дому и полосой дыма вывел в голубом воздухе букву Н — начальную букву ее имени. И даже обвел букву кольцом. Отец Наташи, ответственный работник управления Гражданского воздушного флота, вечером сказал дочери:

— Скажи своему хахалю, чтобы прекратил дурить. Уже не первый раз, вылетая из Тушина, такие финты устраивает. Не прекратит — с полетов сниму!

Он не жаловал Петра и, когда тот пришел делать предложение, рубанул сплеча:

— А зачем тебе жениться? У тебя небось в каждом городе по жене!

Наташа знала, что отец не прав. Но она сама не хотела выходить замуж за Петра. Он пугал ее. В нем была какая-то неистовая разудалая сила. Он никого и ничего не боялся. А порой вел себя крайне бесцеремонно. Ему ничего не стоило, например, прийти в институт на экзамен, сесть в заднем ряду и громовым голосом провозгласить, обращаясь к отличнику Семину:

— Этот зубрила не желает мне давать конспекты по политэкономии! Я весь мир облетал, кое-что в политэкономии понял. Если я из-за этих конспектов экзамен не сдам, поговорю с ним крупно!

Семин глядел на богатырски сложенного летчика, на его пудовые кулаки, и ему становилось не по себе.

Когда Петр впервые позвонил к ним в квартиру, явившись без приглашения, мать Наташи, открывшая дверь, в испуге попятилась — Петр занял весь дверной проем, говорил он громовым басом:

— Вот пришел к вам чай пить. Не прогоните?

В их доме он держался вежливо, почти галантно. Наташу всегда удивляло такое переоплощение.

Силушка у него была недюжинная. Их институт, вернее, барак, где заочникам читали лекции, находился на вертолетной станции. Весной возле барака стояли огромные лужи. Как-то Петр, увидев, что Наташа и еще одна студентка нерешительно топчутся возле такой лужи, легко подхватил под мышки обеих и понес. Они отчаянно барахтались, но он донес их до самой трамвайной остановки.

Оказавшись в машине для объяснения, Наташа вдруг подумала о том, что от Петра можно ждать любой выходки... Только когда машина понеслась по Ленинградскому проспекту в сторону Шереметьева, Наташа вспомнила, что она в халате.

— Сейчас же поверни назад! — гневно крикнула она.

— Лучше скажи, ты его любишь?

— Во всяком случае, с ним спокойно. Он надежный.

— Я тебя не о том спрашиваю! Я знаю, что ты меня любила. А его ты любишь?

Возмущенная этим бесцеремонным вопросом, Наташа крикнула:

— Да, его люблю, а тебя любить невозможно, ты ненормальный!

Машина выехала из города и теперь неслась мимо полей. Петр резко свернул с дороги в поле, нацелился на какой-то стог и, поддев рыхлое свежее сено, разбрасывая его с крыши машины, снова выскочил на дорогу и поехал назад. Больше он не произнес ни слова...

Наташа шла по Ленинградскому проспекту, по аллее. На том месте, где когда-то была вертолетная станция, теперь стояли здания министерства, аэровокзала, гостиницы. И все же, глядя на многочисленные следы на снегу, она видела прошлое, ей казалось, что эти следы оставили ее однокурсники, спешащие на занятия...

Как странно все же — с Ленинградским проспектом связана вся ее жизнь. На «Соколе» она родилась, на «Аэропорте» работала на заводе, неподалеку от «Аэропорта» училась, на «Динамо» находится академия имени Жуковского, которую окончил Сергей... Сергей, как она виновата перед ним. Преданный, сдержанный, все понимающий однолюб. Он сам отпустил ее, когда понял, что она его не любит. Считал ее необыкновенной, удачливой. Он и мысли не допускал, что она может оказаться ненужной тому, кого любила.

Они расстались с Сергеем после ее возвращения из Киева, где находился их институт и где она пробыла до защиты диплома. В Киеве она опять встретила Петра.

Они приехали в Киев весной. Цвели каштаны на бульваре Шевченко, утонула в цветах Владимирская горка, и даже маленькие улочки около института — Полевая, Леваневского, Комбайнеров — были полны цветения.

Шесть лет они видели друг друга по вечерам в институте, вместе нововались на экзаменах, но только теперь далеко от Москвы, в заполненном солнцем Киеве, по-настоящему узнали друг друга.

Наташе и Рае, студентке из их группы, выделили комнату в мужском общежитии. На очном отделении учились только мужчины. Но в общежитии была квартира для командированных, ее и предоставили студенткам — женщин и на заочном отделении было мало. По странному совпадению в комнате над ними поселили Петра.

По утрам он заходил за Наташей, и они вместе шли в институт. Изю всех окон, когда они пересекали двор, выглядывали любопытные лица. Петр останавливался и, выбрав кого-нибудь одного, осведомлялся:

— Ну, что глядишь? Видишь, сам иду и еще планер на прицепе! — И, крепко взяв Наташу за руку, тянул ее через двор.

Перед общежитием торговали первой клубникой. Подойдя к какой-нибудь старушке, Петр спрашивал:

- Почему кулек клубники, бабуся?
- Десять копеек, сынок.
- А сколько у тебя всего кулков?
- Да, почитай, двадцать.
- За пятерку вместе с корзинкой отдашь все?

И он торжественно вручал Наташе корзинку. В столовой он делал странные заказы: три первых, пять вторых и пять десертов —

сладкое любил. Он мог войти в чужой палисад, нарвать охапку цветов, вручить ошеломленной Наташе и вернуться к дому, постучать в окно и спросить:

— Эй, хозяйка, сколько я тебе должен за букет для моей любимой?

Странно, что его никогда не отчитывали. Когда Наташе понадобился костюм для защиты диплома, он, ни слова не говоря, слетал в Москву, взял у нее из дома костюм и вернулся в Киев. А когда Наташа в строгом, элегантном костюме шла на защиту, он отправился следом за ней, держась на почтительном расстоянии и напевая:

Я гляжу ей вслед,
Ничего в ней нет...

— Что значит ничего? Ты посмотри получше! — откликнулась Рая.

А я все гляжу,
Глаз не отвожужу...

В голосе Петра звучал вызов. Его выходка сняла напряжение перед защитой. Он вообще проявил редкую выдержку и заботу в те киевские месяцы. Правда, и тогда это принимало порой странную форму. Однажды он, когда Наташи не было, пришел к ней в комнату и бесцеремонно прочитал все письма Сергея. Когда Наташа накричала на него, заявил:

— Ничего, зато я узнал все, что мне надо было узнать.

В другой раз Наташу встретила расстроенная Рая:

— Наташа, ты посмотри, что Петр наделал, выкинул твои лекарства!

— Куда выкинул?

— За окно!

— Но я же не смогу заснуть без снотворного! — сказала расстроенная Наташа, которая в те месяцы от напряжения потеряла и сон и аппетит. Она выглянула в окно — на тротуаре валялись растерзанные корбочки и пакетики. Облезлая кошка вылизывала из разбитого пузырька валерьянку.

Петр невозмутимо восседал на стуле и только теперь отозвался:

— Ничего, люминальщица, обойдешься! Посмотри на себя, ты позеленела от своих пилюль.

После защиты диплома все собрались на торжественный вечер на Владимирской горке, в ресторане «Золотой петушок», — это уже вошло в традицию Киевского авиационного института. Когда все собрались за столом, прозвучали первые торжественные тосты и огромные чаши с вином, в которые были погружены значки института, совершили свой традиционный круг и каждый отведал «инженерного» вина, Петр попросил слова:

— Для меня сегодня двойной праздник! Я всех поздравляю, благодарю наших преподавателей и благодарю Киев, который подарил мне новую встречу с Наташей, на которой я теперь непременно женюсь! Куда бы ее ни послали, я ее отовсюду «улечу», это я заявляю при всех. И еще заявляю, что женюсь на ней, когда она этого пожелает,— что бы в жизни ни случилось, при любых обстоятельствах! Я даже дам ей сейчас такую расписку!

Речь его была путаной, странной, но энергичной и убедительной. И еще более странным оказалось то, что Наташа все эти годы хранила его нелепую расписку. Именно эта бумажка и визит Петра к ним домой, когда он потребовал от ее домашних костюм, и привел Сергея к окончательному решению не мешать Наташе. Он уехал работать на Север. Петр этого не знал. А Наташа после окончания института уехала на четыре года в Прагу, где открылось представительство Аэрофлота.

Теперь Наташа шла по Ленинградскому проспекту, перебирая всю свою жизнь. Иногда из скупых газетных сообщений она узнавала что-то о Петре: он получил правительственную награду, проложил трассу в Новую Зеландию, стал героем книги известного писателя...

Она медленно перешла мост у Белорусского вокзала, дошла до «Якоря».

В фойе было многолюдно, она увидела многих знакомых. Без конца слышались возгласы — подходили все новые и новые выпускники Киевского авиационного института...

Петр был уже в зале. Взяв в оборот метрдотеля, он «улучшал» стол и сервировку:

— Что это за рюмки вы поставили? Разве из широких рюмок шампанское пьют? Давайте несите узкие высокие — и чтобы они были хрустальные! Что вы такое принесли? Они же мутные! В Рио-де-Жанейро вас бы за такое рассчитали.

«Ничуть не изменился», — подумала Наташа. Заметив ее, Петр ринулся ей навстречу:

— Наташа! Наконец-то! А я из-за тебя пришел, мне надо было лететь в Берлин, но нашел замену...

За столом он сидел рядом с ней, почти отрешившись от застолья. Перехватив его взгляд, пытливо-напряженный, нерешительный, она вдруг поняла, что именно сегодня наступит развязка в их отношениях — добрая, ведь она не сумела быть счастливой без этого сумасшедшего, необузданного человека. Сколько раз в своих одиноких вечерах она думала о Петре с неведомой ей раньше нежностью, корила себя за то, что испугалась когда-то этого дерзкого, сильного человека, ярче которого она уже никого не встречала, с которым невольно сравнивала потом всех мужчин, осознавая его несомненное превосходство.

Они не остались до конца вечера. Петр попросил ее уйти раньше.

Они шли по улице Горького. У Наташи замерло сердце, когда Петр заговорил:

— Вроде все у меня есть — интересная работа, деньги проклятые я не считаю, жена у меня красавица, не в пример тебе... И ничего у меня нет без тебя, я совершенно один!.. Так жить нельзя, надо возвращаться на изначальные позиции, все разрушить и поставить на свои места, прочно, навсегда!

«И я совершенно одна без тебя»! — хотела крикнуть Наташа, но сама не зная почему, вдруг спросила:

— И давно ты женат?

— Два года, сыну уже почти год...

— У тебя есть сын? — Это сообщение поразило Наташу. — И ты говоришь, что у тебя ничего нет в жизни? У тебя есть главное — сын!

— Без тебя у меня ничего нет! Я буду помогать ему. Зачем сыну моя неустроенность? Я хотел любить свою жену, иметь семью, уйти от одиночества, но не могу, не получается. Я не привык ничего делать наполовину! Главное, чтобы ты была согласна, чтобы ты меня любила!

— Я не люблю тебя, — с усилием произнесла Наташа.

Она понимала, что может поддаться на уговоры, что ее собственное одиночество может породить в ней жестокость. Допускала, что может не пощадить женщину, не давшую счастья Петру. Но лишить радости малыша, доверчиво протягивающего по вечерам теплые пухлые ручонки к отцу — она так ясно увидела эту картину, что стиснула зубы, — она не могла.

И Наташа почти побежала по улице к мосту, за которым переливался огнями ночной Ленинградский проспект...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Корни	3
Джека	20
В ночном поезде	37
Заколдованный круг	40
Зимний вечер	42

Елена Ивановна АНДРЕЕВА

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Редактор **Е. Ф. Олейник**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 19.08.85. Подписано к печати 08.10.85. А 14615.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,11. Усл.
кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз. Изд. № 2627. Зак. № 1375.

Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина, издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СТРАХОВАНИЕ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА

● Предметы домашнего обихода и хозяйства, лично потребления и удобства могут быть застрахованы их владельцами на любую сумму в пределах действительной стоимости имущества.

● Страхование обеспечивает возмещение ущерба при повреждении или гибели имущества в результате пожара, наводнения, бури, ливня и других стихийных бедствий, аварий отопительной и водопроводной сетей, а также при его похищении. Выплата страхового возмещения производится в размере причиненного ущерба, но не выше суммы, предусмотренной в договоре страхования.

● Договор страхования можно заключить на срок от одного года до пяти лет включительно или на срок от 2 до 11 месяцев. Плата за страхование невелика и вносится в момент заключения договора. Платеж можно произвести также путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы.

● При оформлении договора страхования на 3 года и более предоставляется скидка с исчисленной суммы в размере 10 процентов.

Уважаемые товарищи!

● Для оформления договора страхования домашнего имущества обращайтесь, пожалуйста, к обслуживающему вас по месту работы или жительства страховому агенту или в инспекцию Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР